LR
G6696revo

Gor'ky, Maksim (pseud.)
Революція и культура.

Title transliterated:
Revolyutsiya i kul'tura

31761 08821318 6

Максимъ Горькій

Революція и культура

Статьи за 1917 г.

Berlin
J. Ladyschnikow Verlag G.m.b.H.

J. Ladyschnikow Verlag G. m. b. H.

Berlin W 50, Rankestraße 33

	м.	пф.
Леонидъ Андреевъ, Анатэма. Трагическое представленіе	2	—
——Анфиса. Драма	1	50
——Губернаторъ. Повѣсть	1	50
——Екатерина Ивановна. Драма	1	50
——Елеазаръ. Разсказъ	—	50
——Красный смѣхъ. Отр. изъ найденной рукописи	1	50
——Мысль. Драма	1	50
——Надсмертное. Возвратъ. Два разсказа	1	—
——Не убій. Драма	1	50
——Прекрасныя сабинянки. Историческое происшествіе	1	—
——Происшествіе. Попугай. Двѣ пьесы	1	—
——Профессоръ Сторицынъ. Драма	1	50
——Разсказъ о семи повѣшенныхъ	1	50
——Сынъ человѣческій. Разсказъ	1	—
——Такъ было. Очеркъ изъ французской революціи	—	75
——Черныя маски. Представленіе	1	50
Шаломъ Ашъ, Мэри. Романъ	4	—
В. А. Бильбасовъ, Исторія Екатерины Второй. Томъ I и II	25	—
——Исторія Екатерины Второй. Томъ XII. Часть I и II. Обзоръ иностр. сочиненій о Екатеринѣ II. (Остальные томы въ печати не появились)	25	—
В. А. Бильбасовъ-Гельбигъ, Русскіе избранники	7	50
В. Л. Бурцевъ, Царь и внѣшняя политика. Виновники русско-японской войны. По тайнымъ документамъ: Запискѣ гр. Ламсдорфа и малиновой книгѣ	2	—
Воспоминанія княгини Е. Р. Дашковой	4	—
Максимъ Горькій, Букоемовъ. Очерки	—	90
——Варвары. Пьеса	2	—
——Васса Желѣзнова. Сцены	1	50
——Въ Америкѣ. Очерки	1	50
——Въ людяхъ	6	—
——Городокъ Окуровъ. Хроника	3	—
——Дачники. Сцены	2	—
——9-е Января. Очеркъ	—	60
——Дѣти. Комедія	1	—
——Дѣти солнца. Драма	2	—
——Дѣтство	4	—
——Жалобы. Въ 4-хъ частяхъ. Каждая часть	—	60
——Жизнь ненужнаго человѣка. Романъ	5	—
——Записки проходящаго. Очерки. Часть I.	2	50
—— „ „ Часть II.	1	50
——Зыковы. Сцены	1	50

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/revoliutsiiaikul00gork

Gor'ky, Maksim (pseud.)
III

Максимъ Горькій

Революція и культура

Revolyutsiya i kul'tura

Статьи за 1917 г.

Берлинъ
Изданіе Т-ва И. П. Ладыжникова

Право собственности внѣ Россіи закрѣплено за авторомъ во всѣхъ странахъ, гдѣ это допускается существующими законами.

Alle Rechte vorbehalten,
insbesondere das Ubersetzungsrecht in fremde Sprachen.

LR
G6696revo

666802
28.10.57

Buchdruckerei Otto Drewitz, Berlin SW. 61.

Нижеслѣдующая статья напечатана въ журналѣ „Лѣтопись“, всѣ остальныя — въ Петроградской газетѣ „Новая Жизнь“, издаваемой подъ редакціей М. Горькаго.

Апрѣль, 1917 г.

Русскій народъ обвѣнчался со Свободой. Будемъ вѣрить, что отъ этого союза въ нашей странѣ, измученной и физически, и духовно, родятся новые сильные люди.

Будемъ крѣпко вѣрить, что въ русскомъ человѣкѣ разгорятся яркимъ огнемъ силы его разума и воли, силы, погашенныя и подавленныя вѣковымъ гнетомъ полицейскаго строя жизни.

Но намъ не слѣдуетъ забывать, что всѣ мы — люди вчерашняго дня, и что великое дѣло возрожденія страны въ рукахъ людей, воспитанныхъ тяжкими впечатлѣніями прошлаго въ духѣ недовѣрія другъ къ другу, неуваженія къ ближнему и уродливаго эгоизма.

Мы выросли въ атмосферѣ «подполья»; то, что мы называли легальной дѣятельностью, было, въ сущности своей, или лучеиспусканіемъ въ пустоту, или же мелкимъ политиканствомъ группъ и личностей, междоусобной борьбою людей, чувство собственнаго достоинства которыхъ выродилось въ болѣзненное самолюбіе.

Живя среди отравлявшихъ душу безобразій стараго режима, среди анархіи, рожденной имъ, видя, какъ безграничны предѣлы власти авантюристовъ, которые правили нами, мы — естественно и неизбѣжно — заразились всѣми пагубными свойствами, всѣми навыками и пріемами людей, презиравшихъ насъ, издѣвавшихся надъ нами.

Намъ негдѣ и не на чемъ было развить въ себѣ чувство личной отвѣтственности за несчастія страны, за ея

постыдную жизнь, мы отравлены трупнымъ ядомъ издохшаго монархизма.

Публикуемые въ газетахъ списки «секретныхъ сотрудниковъ Охраннаго отдѣленія», — это позорный обвинительный актъ противъ насъ, это одинъ изъ признаковъ соціальнаго распада и гніенія страны, — признакъ грозный.

Есть и еще много грязи, ржавчины и всяческой отравы, все это не скоро исчезнетъ; старый порядокъ разрушенъ физически, но духовно онъ остается жить и вокругъ насъ, и въ насъ самихъ. Многоглавая гидра невѣжества, варварства, глупости, пошлости и хамства не убита; она испугана, спряталась, но не потеряла способности пожирать живыя души.

Не нужно забывать, что мы живемъ въ дебряхъ многомилліонной массы обывателя, политически безграмотнаго, соціально невоспитаннаго. Люди, которые не знаютъ, чего они хотятъ, — это люди опасные политически и соціально. Масса обывателя еще не скоро распредѣлится по своимъ классовымъ путямъ, по линіямъ ясно сознанныхъ интересовъ, она не скоро организуется и станетъ способна къ сознательной и творческой соціальной борьбѣ. И до поры, пока не организуется, она будетъ питать своимъ мутнымъ и нездоровымъ сокомъ чудовищъ прошлаго, рожденныхъ привычнымъ обывателю полицейскимъ строемъ.

Можно бы указать и еще на нѣкоторыя угрозы новому строю, но говорить объ этомъ преждевременно да, пожалуй, и нецензурно.

Мы переживаемъ моментъ въ высшей степени сложный, требующій напряженія всѣхъ нашихъ силъ, упорной работы и величайшей осторожности въ рѣшеніяхъ. Намъ не нужно забывать роковыхъ ошибокъ 1905/6 г.г., — звѣрская расправа, послѣдовавшая за этими ошибками, обезсилила и обезглавила насъ на цѣлое десятилѣтіе. За это время мы политически и соціально развратились, а война, истребивъ сотни тысячъ молодежи, еще больше подорвала наши силы, подорвавъ подъ корень экономическую жизнь страны.

Поколѣнію, которое первымъ приметъ новый строй жизни, свобода досталась дешево; это поколѣніе плохо знаетъ страшныя усилія людей, на протяженіи цѣлаго вѣка постепенно разрушавшихъ мрачную крѣпость русскаго монархизма. Обыватель не зналъ той адовой, кротовой работы, которая сдѣлана для него, — этотъ каторжный трудъ невѣдомъ не только одному обывателю десятисотъ уѣздныхъ городовъ россійскихъ.

Мы собираемся, и мы обязаны строить новую жизнь на началахъ, о которыхъ издавна мечтали. Мы понимаемъ эти начала разумомъ, они знакомы намъ въ теоріи, но — этихъ началъ нѣтъ въ нашемъ инстинктѣ, и намъ страшно трудно будетъ ввести ихъ въ практику жизни, въ древній русскій бытъ. Именно намъ трудно, ибо мы, повторяю, народъ совершенно невоспитанный соціально, и также мало воспитана въ этомъ отношеніи наша буржуазія, нынѣ идущая къ власти. И надо помнить, что буржуазія беретъ въ свои руки не государство, а развалины государства, она беретъ эти хаотическія развалины при условіяхъ, неизмѣримо болѣе трудныхъ, чѣмъ условія 1905/6 года. Пойметъ ли она, что ея работа будетъ успѣшна только при условіи прочнаго единенія съ демократіей, и что дѣло укрѣпленія позицій, отнятыхъ у старой власти, не будетъ прочно при всѣхъ иныхъ условіяхъ? Несомнѣнно, что буржуазія должна поправѣть, но съ этимъ не нужно торопиться, чтобы не повторить мрачной ошибки 1906 года.

Въ свою очередь, революціонная демократія должна бы усвоить и почувствовать свои общегосударственныя задачи, необходимость для себя принять дѣятельное участіе въ организаціи экономической силы страны, въ развитіи производительной энергіи Россіи, въ охранѣ ея свободы отъ всѣхъ посягательствъ извнѣ и извнутри.

Одержана только одна побѣда — завоевана политическая власть, предстоитъ одержать множество побѣдъ гораздо болѣе трудныхъ, и, прежде всего, мы обязаны одержать побѣду надъ собственными иллюзіями.

Мы опрокинули старую власть, но это удалось намъ не потому, что мы — сила, а потому, что власть, гнившая насъ, сама насквозь прогнила и развалилась при первомъ же дружномъ толчкѣ. Уже одно то, что мы не могли такъ долго рѣшиться на этотъ толчокъ, видя, какъ разрушается страна, чувствуя, какъ насилуютъ насъ, уже одно это долготерпѣніе наше свидѣтельствуетъ о нашей слабости.

Задача момента — по возможности прочно укрѣпить за собою взятыя нами позиціи, что достижимо только при разумномъ единеніи всѣхъ силъ, способныхъ къ работѣ политическаго, экономическаго и духовнаго возрожденія Россіи.

Лучшимъ возбудителемъ здоровой воли и вѣрнѣйшимъ пріемомъ правильной самооцѣнки является мужественное сознаніе своихъ недостатковъ.

Годы войны съ ужасающей очевидностью показали намъ, какъ мы немощны культурно, какъ слабо организованы. Организація творческихъ силъ страны необходима для насъ, какъ хлѣбъ и воздухъ.

Мы изголодались по свободѣ и, при свойственной намъ склонности къ анархизму, легко можемъ пожрать свободу, — это возможно.

Не мало опасностей угрожаетъ намъ. Устранить и преодолѣть ихъ возможно только при условіи спокойной и дружной работы по укрѣпленію новаго строя жизни.

Самая цѣнная творческая сила — человѣкъ: чѣмъ болѣе развитъ онъ духовно, чѣмъ лучше вооруженъ техническими знаніями, тѣмъ болѣе проченъ и цѣненъ его трудъ, тѣмъ болѣе онъ культуренъ, историченъ. Это у насъ не усвоено, — наша буржуазія не обращаетъ должнаго вниманія на развитіе продуктивности труда, человѣкъ для нея все еще, какъ лошадь, только источникъ грубой физической силы.

Интересы всѣхъ людей имѣютъ общую почву, гдѣ они солидаризуются, несмотря на неустранимое противорѣчіе классовыхъ треній: эта почва — развитіе и накопленіе знаній. Знаніе — необходимое орудіе междуклассовой борьбы,

которая лежитъ въ основѣ современнаго міропорядка, и является неизбѣжнымъ, хотя и трагическимъ моментомъ даннаго періода исторіи, неустранимой силой культурно-политическаго развитія; знаніе — это сила, которая, въ концѣ концовъ, должна привести людей къ побѣдѣ надъ стихійными энергіями природы и подчиненію этихъ энергій общекультурнымъ интересамъ человѣка, человѣчества.

Знаніе должно быть демократизировано, его необходимо сдѣлать всенароднымъ, оно, и только оно, — источникъ плодотворной работы, основа культуры. И только знаніе вооружитъ насъ самосознаніемъ, только оно поможетъ намъ правильно оцѣнить наши силы, задачи даннаго момента и укажетъ намъ широкій путь къ дальнѣйшимъ побѣдамъ.

Наиболѣе продуктивна спокойная работа.

Силой, которая всю жизнь крѣпко держала и держитъ меня на землѣ, была и есть моя вѣра въ разумъ человѣка. До сего дня русская революція въ моихъ глазахъ является цѣпью яркихъ и радостныхъ явленій разумности. Особенно мощнымъ явленіемъ спокойной разумности былъ день 23-го марта, день похоронъ на Марсовомъ полѣ.

Въ этомъ парадномъ шествіи сотенъ тысячъ людей впервые и почти осязательно чувствовалось — да, русскій народъ совершилъ революцію, онъ воскресъ изъ мертвыхъ и нынѣ пріобщается къ великому дѣлу міра — строенію новыхъ и все болѣе свободныхъ формъ жизни!

Огромное счастіе дожить до такого дня!

И всей душой я желалъ бы русскому народу вотъ такъ же спокойно и мощно идти все дальше, все впередъ и выше, до великаго праздника всемірной свободы, всечеловѣческаго равенства, братства!

18-го апрѣля.

Если окинуть однимъ взглядомъ всю внѣшне-разнообразную дѣятельность монархическаго режима въ области

«внутренней политики», то смыслъ этой дѣятельности явится предъ нами въ формѣ всемѣрнаго стремленія бюрократіи задержать количественное и качественное развитіе мыслящаго вещества.

Старая власть была бездарна, но инстинктъ самоохраненія правильно показывалъ ей, что самымъ опаснымъ врагомъ ея является человѣческій мозгъ, и вотъ, всѣми доступными ей средствами, она старалась затруднить или исказить ростъ интеллектуальныхъ силъ страны. Въ этой преступной дѣятельности ей успѣшно помогала церковь, порабощенная чиновничествомъ, и не менѣе успѣшно — общество, психически расшатанное и, послѣдніе годы, относившееся къ насилію надъ нимъ совершенно пассивно.

Результаты длительнаго угашенія духа обнаружила съ ужасающей очевидностью война — Россія оказалась предъ лицомъ культурнаго и прекрасно организованнаго врага немощной и безоружной. Люди, такъ хвастливо и противно кричавшіе о томъ, что Русь поднялась «освободить Европу отъ оковъ ложной цивилизаціи духомъ истинной культуры», эти, вѣроятно, искренніе и тѣмъ болѣе несчастные люди, быстро и сконфуженно замкнули слишкомъ краснорѣчивыя уста. «Духъ истинной культуры» оказался смрадомъ всяческаго невѣжества, отвратительнаго эгоизма, гнилой лѣни и беззаботности.

Въ странѣ, щедро одаренной естественными богатствами и дарованіями, обнаружилась, какъ слѣдствіе ея духовной нищеты, полная анархія во всѣхъ областяхъ культуры. Промышленность, техника — въ зачаточномъ состояніи — и внѣ прочной связи съ наукой; наука — гдѣ-то на задворкахъ, въ темнотѣ и подъ враждебнымъ надзоромъ чиновника; искусство, ограниченное, искаженное цензурой, оторвалось отъ общественности, погружено въ поиски новыхъ формъ, утративъ жизненное, волнующее и облагораживающее содержаніе.

Всюду, внутри и внѣ человѣка, опустошеніе, расшатанность, хаосъ и слѣды какого-то длительнаго Мамаева

побоища. Наслѣдство, оставленное революціи монархіей, — ужасно.

И какъ бы горячо ни хотѣлось сказать слово добраго утѣшенія, — правда суровой дѣйствительности не позволяетъ утѣшать, и нужно сказать со всею откровенностью: монархическая власть въ своемъ стремленіи духовно обезглавить Русь добилась почти полнаго успѣха.

Революція низвергла монархію, такъ! Но, можетъ быть, это значитъ, что революція только вогнала накожную болѣзнь внутрь организма. Отнюдь не слѣдуетъ думать, что революція духовно излѣчила или обогатила Россію. Старая, не глупая поговорка гласитъ; «болѣзнь входитъ пудами, а выходитъ золотниками», процессъ интеллектуальнаго обогащенія страны — процессъ крайне медленный. Тѣмъ болѣе онъ необходимъ для насъ, и революція, въ лицѣ ея руководящихъ силъ, должна сейчасъ же, немедля, взять на себя обязанность созданія такихъ условій, учрежденій, организацій, которыя упорно и безотлагательно занялись бы развитіемъ интеллектуальныхъ силъ страны.

Интеллектуальная сила — это первѣйшая, по качеству, производительная сила, и забота о скорѣйшемъ ростѣ ея должна быть пламенной заботой всѣхъ классовъ.

Мы должны дружно взяться за работу всесторонняго развитія культуры, — революція разрушила преграды на путяхъ къ свободному творчеству и теперь въ нашей волѣ показать самимъ себѣ и міру наши дарованія, таланты, нашъ геній. Наше спасеніе — въ трудѣ, да найдемъ мы и наслажденіе въ трудѣ.

«Міръ созданъ не словомъ, а дѣяніемъ» это прекрасно сказано, и это неоспоримая истина.

23-го апрѣля.

Свѣтлыя крылья юной нашей свободы обрызганы невинной кровью.

Я не знаю, кто стрѣлялъ въ людей третьяго дня на Невскомъ, но кто бы ни были эти люди, — это люди злые и глупые, люди отравленные ядами гнилого стараго режима.

Преступно и срамно убивать другъ друга теперь, когда всѣ мы имѣемъ прекрасное право честно спорить, честно не соглашаться другъ съ другомъ. Тѣ, кто думаетъ иначе, неспособны чувствовать и сознавать себя свободными людьми. Убійство и насиліе — аргументы деспотизма, это подлые аргументы — и безсильные, ибо изнасиловать чужую волю, убить человѣка не значитъ, никогда не значитъ убить идею, доказать неправоту мысли, ошибочность мнѣнія.

Великое счастье свободы не должно быть омрачаемо преступленіями противъ личности, иначе — мы убьемъ свободу своими же руками.

Надо же понять, — пора понять, что самый страшный врагъ свободы и права — внутри насъ; это наша глупость, наша жестокость и весь тотъ хаосъ темныхъ, анархическихъ чувствъ, который воспитанъ въ душѣ нашей безстыднымъ гнетомъ монархіи, ея циничной жестокостью.

Способны ли мы понять это?

Если не способны, если не можемъ отказаться отъ грубѣйшихъ насилій надъ человѣкомъ — у насъ нѣтъ свободы. Это просто слово, которое мы не въ силахъ насытить должнымъ содержаніемъ. Я говорю — наши коренные враги глупость и жестокость.

Можемъ ли мы, пытаемся ли мы бороться съ ними?

Это не риторическій вопросъ, это вопросъ о глубинѣ, о искренности нашего пониманія новыхъ условій политической жизни, новой оцѣнки значенія человѣка и его роли въ мірѣ.

Пора воспитывать въ самихъ себѣ чувство брезгливости къ убійству, чувство отвращенія къ нему.

Да, я не забываю, что, можетъ быть, намъ еще не однажды придется защищать свободу и право наше оружіемъ, можетъ быть!

Но 21-го апрѣля револьверы въ грозно вытянутыхъ рукахъ были смѣшны и было въ этомъ жестѣ нѣчто дѣтское, къ сожалѣнію разрѣшившееся преступленіемъ.

Да, преступленіемъ противъ свободнаго человѣка.

Неужели память о подломъ прошломъ нашемъ, память о томъ, какъ насъ сотнями и тысячами разстрѣливали на улицахъ, привила и намъ спокойное отношеніе палачей къ насильственной смерти человѣка?

Я не нахожу достаточно рѣзкихъ словъ порицанія людямъ, которые пытаются доказать что-то пулей, штыкомъ, ударомъ кулака по лицу.

Не противъ ли этихъ доводовъ протестовали мы, не этими ли пріемами воздѣйствія на нашу волю насъ держали въ постыдномъ рабствѣ?

И вотъ — освободясь отъ рабства внѣшне, — внутренно мы продолжаемъ жить чувствами рабовъ.

Еще разъ — нашъ самый безжалостный врагъ — наше прошлое.

Граждане! Неужели мы не найдемъ въ себѣ силъ освободиться отъ его заразы, сбросить съ себя его грязь, забыть о его кровавыхъ безстыдствахъ? Побольше зрѣлости, побольше вдумчивости и осторожности въ отношеніи къ самимъ себѣ — вотъ что необходимо намъ!

Борьба не кончена. Надо беречь силы, соединять энергію во едино, а не разъединять ее, подчиняясь настроенію момента.

27-го апрѣля.

Въ первые же дни революціи какіе то безстыдники выбросили на улицу кучи грязныхъ брошюръ, отвратительныхъ разсказовъ на темы «изъ придворной жизни». Въ этихъ брошюрахъ рѣчь идетъ о «самодержавной Алисѣ», о «Распутномъ Гришкѣ», о Вырубовой и другихъ фигурахъ мрачнаго прошлаго.

Я не стану излагать содержанія этихъ брошюръ, — оно невѣроятно грязно, глупо и распутно. Но этой ядовитой грязью питается юношество, брошюрки имѣютъ хорошій сбытъ и на Невскомъ, и на окраинахъ города. Съ этой отравой нужно бороться, я не знаю — какъ, именно, но — нужно бороться, тѣмъ болѣе что рядомъ съ этой пакостной «литературой» болѣзненныхъ и садическихъ измышленій, на книжномъ рынкѣ слишкомъ мало изданій, требуемыхъ моментомъ.

Грязная «литература» особенно вредна, особенно прилипчива именно теперь, когда въ людяхъ возбуждены всѣ темные инстинкты и еще не изжиты чувства негодованія, обиды, — чувства, возбуждающія месть. Намъ слѣдуетъ помнить, что мы переживаемъ не только экономическую разруху, но и соціальное разложеніе, всегда и неизбѣжно возникающее на почвѣ экономическаго развала.

Безспорно, — часть вины за то, что мы безсильны и бездарны, мы имѣемъ право возложить на тѣ силы, которыя всегда стремились держать насъ далеко въ сторонѣ отъ живого дѣла общественнаго строительства. Безспорно, что Русь воспитывали и воспитываютъ педагоги, политически еще болѣе бездарные, чѣмъ нашъ рядовой обыватель. Неоспоримо, что всякая наша попытка къ самодѣятельности встрѣчала уродливое сопротивленіе власти, болѣзненно самолюбивой и занятой исключительно охраной своего положенія въ странѣ. Все это — безспорно, однако, слѣдуетъ, не боясь правды, сказать, что и насъ похвалить не за что. Гдѣ, когда и въ чемъ за послѣдніе годы неистовыхъ издѣвательствъ надъ русскимъ обществомъ въ его цѣломъ, — надъ его разумомъ, волей, совѣстью, — въ чемъ и какъ обнаружило общество свое сопротивленіе злымъ и темнымъ силамъ жизни? Какъ сказалось его гражданское самосознаніе, хулигански отрицаемое всѣми, кому была дана власть на это отрицаніе? И въ чемъ, кромѣ краснорѣчія да эпиграммъ, выразилось наше оскорбленное чувство собственнаго достоинства?

Нѣтъ, надо знать правду: мы сами расшатаны морально не менѣе, чѣмъ силы, враждебныя намъ.

Мы живемъ во дни грозныхъ событій, глубина которыхъ, очевидно, не можетъ быть правильно понята нами и трагизмъ дней — не чувствуется; менѣе всего въ эту пору слѣдовало бы обращать вниманія на авантюры уголовнаго характера, какъ бы онѣ ни были внѣшне занятны. Очень вѣроятно, что намъ слѣдуетъ быть готовыми принять и еще не одну такую же авантюру, но нельзя забывать, что не столько важенъ фактъ преступленія самъ по себѣ, какъ важна его воспитательная, соціально-педагогическая сила.

Исторія воспитываетъ людей духовно здоровыхъ и уничтожаетъ больныхъ: скандалъ можетъ развратить первыхъ и еще болѣе искажаетъ міропониманіе вторыхъ. Людей духовно нездоровыхъ, среди насъ слишкомъ много, — событія угрожаютъ еще увеличить количество таковыхъ. Ножъ, револьверъ и все прочее этого порядка — только бутафорія изъ мелодрамы, не этимъ творится нормальная жизнь, и пора понять, что между исторіей и скандаломъ, — какъ-бы онъ ни былъ громокъ, — нѣтъ ничего общаго.

Самые страшные люди — это люди, которые не знаютъ, чего они хотятъ, а потому необходимо употребить всю нашу волю на дѣло выработки вполнѣ ясныхъ желаній. Мы стоимъ предъ необходимостью совершить нѣкій историческій подвигъ, а всякій подвигъ требуетъ концентраціи воли.

Можно ли увлекаться грязными бульварными романами, когда вокругъ насъ во всемъ мірѣ грозно совершается трагедія! Всѣ мощныя силы міровой исторіи нынѣ приведены въ движеніе, всѣ человѣко-звѣри сорвались съ цѣпей культуры, разорвали ея тонкія ризы и наостно обнажились, — это явленіе, равное катастрофѣ, сотрясаетъ устои соціальныхъ отношеній до основанія. И нужно призвать къ дѣйствительной жизни весь лучшій разумъ, всю волю, для того, чтобы исправить послѣдствія нашей трагической небрежности въ отношеніи къ самимъ себѣ, небрежности, которая создала страшную ошибку.

Человѣчество вѣка работало надъ созданіемъ сносныхъ условій бытія не для того, чтобъ въ XX-мъ вѣкѣ нашей эры разрушить созданное.

Мы должны извлечь изъ безумныхъ событій разумные уроки, памятуя, что все, что называется Рокомъ, Судьбою, есть не что иное, какъ результатъ нашего недомыслія, нашего недовѣрія къ себѣ самимъ; мы должны знать, что все, творимое на землѣ, творится единственнымъ Хозяиномъ и Работникомъ ея — Человѣкомъ.

2-го мая.

Не дождавшись рѣшенія Совѣта Солдатскихъ Депутатовъ по вопросу объ отправкѣ на фронтъ артистовъ, художниковъ, музыкантовъ, — баталіонный комитетъ Измайловскаго полка отправляетъ въ окопы 43 человѣка артистовъ, среди которыхъ есть чрезвычайно талантливые, культурно-цѣнные люди.

Всѣ эти люди не знаютъ воинской службы, не обучались строевому дѣлу. Они не умѣютъ стрѣлять — только сегодня впервые ихъ ведутъ на стрѣльбище, а въ среду они должны уже ѣхать. Такимъ образомъ, эти цѣнные люди пойдутъ на бойню, не умѣя защищаться.

Я не знаю, изъ кого состоитъ Баталіонный Комитетъ Измайловскаго полка, но я увѣренъ, что эти люди «не вѣдаютъ, что творятъ».

Потому что посылать на войну талантливыхъ художниковъ такая же расточительность и глупость, какъ золотыя подковы для ломовой лошади. А посылать ихъ, не обучивъ воинскому дѣлу, это ужъ — смертный приговоръ невиннымъ людямъ. За такое отношеніе къ человѣку мы проклинаемъ царскую власть, именно за это мы ее свергли.

Демагоги и лакеи толпы навѣрное закричатъ мнѣ:

— А равенство?

Конечно, я помню объ этомъ. Я тоже не мало затратилъ силъ на доказательства необходимости для людей

политическаго и экономическаго равенства, я знаю, что только при наличіи этихъ равенствъ человѣкъ получитъ возможность быть честнѣе, добрѣе, человѣчнѣе. Революція сдѣлана для того, чтобъ человѣку лучше жилось и чтобъ самъ онъ сталъ лучше.

Но я долженъ сказать, что для меня писатель Левъ Толстой или музыкантъ Сергѣй Рахманиновъ, а равно и каждый талантливый человѣкъ не равенъ Баталіонному Комитету Измайловцевъ.

Если Толстой самъ почувствовалъ бы желаніе всадить пулю въ лобъ человѣку или штыкъ въ животъ ему, — тогда, разумѣется, дьяволъ будетъ хохотать, идіоты возликуютъ вмѣстѣ съ дьяволомъ, а люди, для которыхъ талантъ — чудеснѣйшій даръ природы, основа культуры и гордость страны, — эти люди еще разъ заплачутъ кровью.

Нѣтъ, я всей душой протестую противъ того, чтобъ изъ талантливыхъ людей дѣлали скверныхъ солдатъ.

Обращаясь къ Совѣту Солдатскихъ Депутатовъ, я спрашиваю его: считаетъ ли онъ правильнымъ постановленіе Баталіоннаго Комитета Измайловскаго полка? Согласенъ ли онъ съ тѣмъ, что Россія должна бросать въ ненасытную пасть войны лучшіе куски своего сердца, — своихъ художниковъ, своихъ талантливыхъ людей?

И — съ чѣмъ мы будемъ жить, израсходовавъ свой лучшій мозгъ?

6-го мая.

Недавно одинъ романистъ восплакалъ о томъ, что въ русской революціи нѣтъ романтизма, что она не создала Теруань де-Мерикуръ, не выдвинула героевъ, яркихъ людей.

Положимъ, Теруань, вѣроятно, потому не явилась, что мы не осаждали Бастилію, но если бы мы дѣлали это, — я думаю, что изъ 50-ти тысячъ петроградскихъ «дѣвушекъ для радости», навѣрное, нашлись бы героини. Но, вообще говоря, героевъ у насъ всегда было маловато, если не считать тѣхъ, которыхъ мы сами неудачно выдумывали

Сусанина, купца Иголкина, солдата — спасителя Петра Великаго, Кузьмы Крючкова и прочихъ героевъ физическаго дѣйствія, такъ сказать.

Полемизируя, можно, разумѣется, забыть о герояхъ духа, о людяхъ, которые великимъ и упорнымъ подвигомъ всей жизни вывели, наконецъ, Россію изъ заколдованнаго царства безправія и насилія.

Но я думаю, что романтизмъ, все-таки, не изсякъ и романтики живы, если именемъ романтика мы можемъ почтить — или обидѣть? — человѣка, страстно влюбленнаго въ свою идею, свою мечту.

На-дняхъ именно такой романтикъ, — крестьянинъ Пермской губерніи, — прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ меня очень тронули вотъ эти строки:

«Да, правда не каждому подъ силу, порой она бываетъ настолько тяжела, что страшно оставаться съ ней съ глазу на глазъ. Развѣ не страшно становится, когда видишь, какъ великое, святое знамя соціализма захватываютъ грязныя руки, карманные интересы?... Крестьянство, жадное до собственности, получитъ землю и отвернется, изорвавъ на онучи знамя Желябова, Брешковской.

«Партійный работникъ, студентъ с.-д., откровенно заявляетъ, что онъ теперь не можетъ работать въ партіи, такъ какъ на службѣ получаетъ 350 р., а партія не заплатитъ ему и 250. Сто рублей онъ, пожалуй, уступилъ бы ради «прежняго» идеализма...

«Солдаты охотно становятся подъ знамя «миръ всего міра», но они тянутся къ миру не во имя идеи интернаціональной демократіи, а во имя своихъ шкурныхъ интересовъ: сохраненія жизни, ожидаемаго личнаго благополучія.

«Я отлично помню свое настроеніе, когда я семнадцатилѣтнимъ юношей шелъ за сохой подъ жаркимъ солнцемъ; если я видѣлъ идущаго мимо писаря, священника, учителя, то непремѣнно ставилъ себѣ вопросъ: «Почему я работаю, а эти люди блаженствуютъ?» Ибо я признавалъ за трудъ только физическій трудъ и всѣ мои стремленія были на-

правлены къ освобожденію себя отъ этого труда. Это же самое теперь я вижу у многихъ, охотно примыкающихъ къ соціалистическимъ партіямъ. Когда я вижу этихъ «соціалистовъ», мнѣ хочется заплакать, ибо я хочу быть соціалистомъ не на словахъ, а на дѣлѣ.

«Нужны вожди, которые не боятся говорить правду въ глаза. И если бы соціалистическая пресса обличала не только буржуазію, но и ведомыхъ ею, она отъ этого выиграла бы въ дальнѣйшемъ. Надо быть суровымъ и безпощаднымъ не только съ противникомъ, но и съ друзьями. Въ Библіи сказано: обличай премудра, и возлюбитъ тя.»

Вотъ голосъ несомнѣннаго романтика, голосъ человѣка, который чувствуетъ организующую силу правды и любитъ ея очищающій душу огонь.

Я почтительно кланяюсь этому человѣку. Людямъ его типа трудно живется, но ихъ жизнь оставляетъ прекрасный слѣдъ.

9-го мая.

Да, мы переживаемъ тревожное, опасное время, — объ этомъ, съ мрачной убѣдительностью говорятъ погромы въ Самарѣ, Минскѣ, Юрьевѣ, дикія выходки солдатъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и цѣлый рядъ другихъ фактовъ распущенности, обалдѣнія, хамства.

Конечно, не слѣдуетъ забывать, что крики «отечество въ опасности» могутъ быть вызваны не только чувствомъ искренней тревоги, но и внушеніями партійной тактики.

Однако, было бы ошибочно думать, что анархію создаетъ политическая свобода, нѣтъ, на мой взглядъ свобода только превратила внутреннюю болѣзнь — болѣзнь духа — въ накожную. Анархія привита намъ монархическимъ строемъ, это отъ него унаслѣдовали мы заразу.

И не надо забывать, что погромы въ Юрьевѣ, Минскѣ, Самарѣ, при всемъ ихъ безобразіи, не сопровождались убійствами, тогда какъ погромы царскихъ временъ, вплоть до «нѣмецкаго» погрома въ Москвѣ, были звѣрски кровавыми.

Вспомните Кишиневъ, Одессу, Кіевъ, Бѣлостокъ, Баку, Тифлисъ и безчисленное количество отвратительныхъ убійствъ въ десяткахъ мелкихъ городовъ.

Я никого не утѣшаю, а всего менѣе — самого себя, но я все-таки не могу не обратить вниманія читателя на то, что хоть въ малой степени смягчаетъ подлыя и грязныя преступленія людей.

Не забудемъ также, что тѣ люди, которые всѣхъ громче кричатъ «отечество въ опасности», имѣли всѣ основанія крикнуть эти тревожныя слова еще три года тому назадъ — въ іюлѣ 1914 г.

По соображеніямъ партійной и классовой эгоистической тактики они этого не сдѣлали, и на протяженіи трехъ лѣтъ русскій народъ былъ свидѣтелемъ гнуснѣйшей анархіи, развиваемой сверху.

Нисходя еще глубже въ прошлое, мы встрѣчаемъ у руля русской государственности и Столыпина, несомнѣннаго анархиста, — его поддерживали аплодисментами какъ разъ тѣ самые благомыслящіе республиканцы, которые нынѣ громко вопятъ объ анархіи и необходимости борьбы съ нею.

Конечно, «кто ничего не дѣлаетъ — не ошибается», но у насъ ужасно много людей, которые что ни сдѣлаютъ — ошибаются.

Да, да, — съ анархіей всегда надобно бороться, но иногда надо умѣть побѣждать и свой собственный страхъ предъ народомъ.

Отечество чувствовало бы себя въ меньшей опасности, если бъ въ отечествѣ было больше культуры.

Къ сожалѣнію, по вопросу о необходимости культуры и о типѣ ея, потребномъ для насъ, мы, кажется, все еще не договорились до опредѣленныхъ рѣшеній, — по крайней мѣрѣ въ началѣ войны, когда московскіе философы остроумно и вполнѣ искренно сравнивали Канта съ Крупномъ, — эти рѣшенія были неясны для насъ.

Можно думать, что проповѣдь «самобытной» культуры именно потому возникаетъ у насъ обязательно въ эпохи

наиболѣе крутой реакціи, что мы — люди издревле пріученные думать и дѣйствовать «по линіи наименьшаго сопротивленія».

Какъ бы тамъ ни было, но всего меньше мы заботились именно о развитіи культуры европейской — опытной науки, свободнаго искусства, технически-мощной промышленности. И вполнѣ естественно, что нашей народной массѣ не понятно значеніе этихъ трехъ основаній культуры.

Одной изъ первыхъ задачъ момента должно бы явиться возбужденіе въ народѣ — рядомъ съ возбужденными въ немъ эмоціями политическими — эмоцій этическихъ и эстетическихъ. Наши художники должны бы немедля вторгнуться всею силой своихъ талантовъ въ хаосъ настроеній улицы, и я увѣренъ, что побѣдоносное вторженіе красоты въ душу нѣсколько ошалѣвшаго россіянина умиротворило бы его тревоги, усмирило буйство нѣкоторыхъ не очень похвальныхъ чувствъ, — вродѣ, напримѣръ, жадности, — и вообще помогло бы ему сдѣлаться человѣчнѣе.

Но — ему дали множество — извините! — плохихъ газетъ по весьма дорогой цѣнѣ и — больше ничего, пока.

Науки — и гуманитарныя, и положительныя — могли бы сыграть великую роль въ дѣлѣ облагороженія инстинктовъ, но участіе людей науки въ жизни даннаго момента замѣтно еще менѣе, чѣмъ прежде.

Я не знаю въ популярной литературѣ ни одной толково и убѣдительно написанной книжки, которая разсказала бы, какъ велика положительная роль промышленности въ процессѣ развитія культуры. А такая книжка для русскаго народа давно необходима.

Можно и еще много сказать на тему о необходимости немедленной и упорной культурной работы въ нашей странѣ.

Мнѣ кажется, что возгласъ «Отечество въ опасности!» не такъ страшенъ, какъ возгласъ:

— «Граждане! Культура въ опасности!»

12-го мая.

На-днях'ъ я получилъ письмо такого содержанія:

«Вчера я прочиталъ вашъ «Кошмаръ», и душа моя — душа человѣка, тоже служившаго въ охранѣ, плачетъ отъ сознанія безнадежности моего положенія, которое этотъ разсказъ пробудилъ во мнѣ. Я не стану разсказывать вамъ, какъ попалъ въ эту яму: это неинтересно. Скажу лишь, что голодъ и совѣтъ человѣка близкаго мнѣ тогда, состоявшаго подъ судомъ и думавшаго, что я смогу облегчить его участь, толкнули меня на этотъ ужасный шагъ.

«Скажу, что презиралъ себя все время, служа тамъ, презираю и сейчасъ. Но, — знаете, что больно? То, что даже чуткій человѣкъ, какъ вы, не понялъ, очевидно, что надо было, навѣрное, каждому изъ насъ, охранниковъ, сжечь многое въ душѣ своей. Что страдали мы не въ то время, когда служили, а — раньше, тогда, когда не было уже выхода. Что общество, которое сейчасъ бросаетъ въ насъ грязью, не поддержало насъ, не протянуло намъ руку помощи и тогда. Вѣдь, не всѣ такъ сильны, что могутъ отдавать все, не получая взамѣнъ ничего! *Если-бы еще не было вѣры въ соціализмъ, въ партію, — а то, знаете, въ своей подлой головѣ я такъ разсуждалъ: слишкомъ малъ тотъ вредъ, который я могу причинить движенію, слишкомъ я вѣрю въ идею, чтобы не сумѣть работать такъ, что пользы будетъ больше, чѣмъ вреда.* Я не оправдываюсь, но мнѣ хотѣлось бы, чтобъ психологія даже такого жалкаго существа, какъ провокаторъ, все же была бы уяснена вами. Вѣдь, насъ — много! — все лучшіе партійные работники. *Это не единичное уродливое явленіе, а, очевидно, какая-то болѣе глубокая общая причина загнала насъ въ этотъ тупикъ.* Я прошу васъ: преодолѣйте отвращеніе, подойдите ближе къ душѣ предателя и скажите намъ всѣмъ: какіе именно мотивы руководили нами, когда мы, вѣря всей душой въ партію, въ соціализмъ, во все святое и чистое, могли «честно» служить въ охранкѣ и, презирая себя, все же находили возможнымъ жить?»

*

Тяжело жить на святой Руси!

Тяжело.

Грѣшатъ въ ней — скверно, каются во грѣхахъ — того хуже. Изумительна логика подчеркнутыхъ словъ о вѣрѣ въ соціализмъ. Могъ ли бы человѣкъ, разсуждающій такъ странно и страшно, откусить ухо или палецъ любимой женщинѣ на томъ основаніи, что онъ любитъ всю ее, все тѣло и душу, а палецъ, ухо — такіе маленькіе, сравнительно съ ней, цѣлой. Вѣроятно, — не могъ бы. Но, — вѣруя въ дѣло соціализма, любя партію, онъ отрываетъ одинъ за другимъ ея живые члены и думаетъ — искренно? — что пользы дѣлу отъ этого будетъ больше, чѣмъ вреда. Я повторяю вопросъ: искренно думаетъ онъ такъ? И боюсь, — что да, искренно, что это соображеніе явилось не послѣ факта, а родилось въ одну минуту съ фактомъ предательства. Оригинальнѣйшая черта русскаго человѣка, — въ каждый данный моментъ онъ искренъ. Именно эта оригинальность и является, какъ я думаю, источникомъ моральной сумятицы, среди которой мы привыкли жить. Вы посмотрите: вѣдь, нигдѣ не занимаются такъ много и упорно вопросами и спорами, заботами о личномъ «самосовершенствованіи», какъ занимаются этимъ, очевидно безплоднымъ, дѣломъ у насъ.

Мнѣ всегда казалось, что именно этотъ родъ занятій создаетъ особенно густую и удушливую атмосферу лицемѣрія, лжи, ханжества. Особенно тяжелой и подавляющей эта атмосфера была въ кружкахъ «толстовцевъ», людей, которые чрезвычайно яростно занимались «самоугрызеніемъ».

Морали, какъ чувства органической брезгливости ко всему грязному и дурному, какъ инстинктивнаго тяготѣнія къ чистотѣ душевной и красивому поступку, — такой морали нѣтъ въ нашемъ обиходѣ. Ея мѣсто издавна занято холодными, «отъ ума», разсужденіями о правилахъ поведенія, и разсужденія эти, не говоря о ихъ отвратительной схоластикѣ, создаютъ ледяную атмосферу какого-то безконечнаго, нуднаго и безстыднѣйшаго взаимоосужденія, под-

сиживанія другъ друга, заглядыванія въ душу вамъ косымъ и зоркимъ взглядомъ врага. И — скверная врага, онъ не заставляетъ васъ напрягать всѣ ваши силы, изощрять весь разумъ, всю волю для борьбы съ нимъ.

Онъ — словесникъ. Единственно, чего онъ добивается, — доказать вамъ, что онъ умнѣе, честнѣе, искреннѣе и вообще — всячески лучше васъ. Позвольте ему доказать это, — онъ обрадуется, на минуту, а затѣмъ опустѣетъ, выдохнется, обмякнетъ, и станетъ ему скучно. Но ему не позволяютъ этого, къ сожалѣнію, а вступая съ нимъ въ споръ, сами развращаются, растрачивая паѳосъ на пустяки. И такъ словесникъ плодитъ словесниковъ, такъ не богатыя наши чувства размѣниваются на звенящую мѣдь пустыхъ словъ.

Посмотрите, насколько ничтожно количество симпатіи у каждаго и вокругъ каждаго изъ васъ, какъ слабо развито чувство дружбы, какъ горячи наши слова, и чудовищно холодно отношеніе къ человѣку. Мы относимся къ нему пламенно только тогда, когда онъ, нарушивъ установленныя нами правила поведенія, даетъ намъ сладостную возможность судить его «судомъ неправеднымъ». Крестьянскія дѣти зимою, по вечерамъ, когда скучно, а спать еще не хочется, ловятъ таракановъ и отрываютъ имъ ножки, одну за другой. Эта милая забава весьма напоминаетъ общій смыслъ нашего отношенія къ ближнему, характеръ нашихъ сужденій о немъ.

Авторъ письма, товарищъ-провокаторъ говоритъ о таинственной «общей причинѣ», загоняющей многихъ и загнавшей его «въ тупикъ».

Я думаю, что такая «общая причина» существуетъ и что это очень сложная причина. Вѣроятно, одной изъ ея составныхъ частей служитъ и тотъ фактъ, что мы относимся другъ къ другу совершенно безразлично, это при условіи, если мы настроены хорошо... Мы не умѣемъ любить, не уважаемъ другъ друга, у насъ не развито вни-

маніе къ человѣку, о насъ давно уже и совершенно правильно сказано, что мы:

«Къ добру и злу постыдно равнодушны».

Товарищъ-провокаторъ очень искренно написалъ письмо, но я думаю, что причина его несчастія — именно вотъ это равнодушіе къ добру и злу.

18-го мая.

— Анархія. анархія! — кричатъ «здравомыслящіе» люди, усиливая и распространяя панику въ тѣ дни, когда всѣмъ мало-мальски трудоспособнымъ людямъ необходимо взяться за черную, будничную работу строительства новой жизни, когда для каждаго обязательно встать на защиту великихъ цѣнностей старой культуры.

«Анархія!» И снова, какъ послѣ 1905-го года на русскую демократію, на весь русскій народъ изливаются потоки чернильнаго гнѣва, трусливой злости, бьютъ гейзера грязныхъ обвиненій.

Неловко и не хочется говорить о себѣ, но — когда, года полтора тому назадъ, я напечаталъ «Двѣ души», статью, въ которой говорилъ, что русскій народъ органически склоненъ къ анархизму; что онъ пассивенъ, но — жестокъ, когда въ его руки попадаетъ власть; что прославленная доброта ето души — Карамазовскій сентиментализмъ, что онъ ужасающе невосприимчивъ къ внушеніямъ гуманизма и культуры, — за эти мысли, — не новыя, не мои, а только рѣзко выраженныя мною, — за эти мысли меня обвинили во всѣхъ прегрѣшеніяхъ противъ народа.

Даже недавно, совсѣмъ на-дняхъ, кто-то въ «Рѣчи» — газетѣ прежде всего грамотной, — заявилъ, что мое «пораженчество» какъ нельзя лучше объясняется моимъ отношеніемъ къ народу.

Кстати, — въ «пораженчествѣ» я совершенно неповиненъ и никогда оному не сочувствовалъ. Порицать кулачную расправу, дуэль, войну какъ мерзости, позорящій-

шія для всѣхъ людей, какъ дѣйствія, не способныя разрѣшить споръ и углубляющія вражду, — порицать все это еще не значитъ быть «пораженцемъ» и «непротивленцемъ». Особенно несвойственно это мнѣ, человѣку, который проповѣдуетъ активное отношеніе къ жизни. Можетъ быть я — въ нѣкоторыхъ случаяхъ — не стану защищать себя, но на защиту любимаго мною у меня хватитъ силъ.

И сейчасъ я вспомнилъ объ отношеніи къ мыслямъ, изложеннымъ мною въ статьѣ «Двѣ души», вовсе не въ цѣляхъ самозащиты, самооправданія. Я понимаю, что въ злой словесной дракѣ, которую мы для приличія именуемъ «полемикой», — драчунамъ нѣтъ дѣла до правды, они взаимно ищутъ другъ у друга словесныхъ ошибокъ, обмолвокъ, слабыхъ мѣстъ и бьютъ другъ друга не столько для доказательства истинности вѣрованій своихъ, сколько для публичной демонстраціи своей ловкости.

Нѣтъ, я вспомнилъ о «Двухъ душахъ» для того, чтобъ спросить бумажныхъ враговъ моихъ: когда они были болѣе искренни, — когда ругали меня за мое нелестное мнѣніе о русскомъ народѣ или теперь, когда они ругаютъ русскій народъ моими же словами?

Я никогда не былъ демагогомъ и не буду таковымъ. Порицая нашъ народъ за его склонность къ анархизму, нелюбовь къ труду, за всяческую его дикость и невѣжество, я помню: инымъ онъ не могъ быть. Условія, среди которыхъ онъ жилъ, не могли воспитать въ немъ ни уваженія къ личности, ни сознанія правъ гражданина, ни чувства справедливости, — это были условія полнаго безправія, угнетенія человѣка, бестыднѣйшей лжи и звѣрской жестокости. И надо удивляться, что при всѣхъ этихъ условіяхъ, народъ всетаки сохранилъ въ себѣ не мало человѣческихъ чувствъ и нѣкоторое количество здороваго разума.

Вы жалуетесь: народъ разрушаетъ промышленность!

А кто-же и когда внушалъ ему, что промышленность есть основа культуры, фундаментъ соціальнаго и государственнаго благополучія?

Въ его глазахъ промышленность — хитрый механизмъ, ловко приспособленный для того, чтобъ сдирать съ потребителя семь шкурь. Онъ не правъ?

Но вѣдь три, пять мѣсяцевъ тому назадъ, вы же сами изо-дня въ день, во всѣхъ газетахъ и журналахъ разоблачали предъ нимъ безстыдный и фантастическій ростъ доходовъ русской промышленности и — взглядъ народа, это вашъ взглядъ.

Разумѣется, вы должны были «разоблачать», — таковъ долгъ каждаго глашатая истины, мужественнаго защитника справедливости. Но — полемика обязываетъ къ односторонности, поэтому, говоря о грабежѣ, забывали о культурной, о творческой роли промышленности, о ея государственномъ значеніи.

Источникъ наживы для однихъ, промышленность для другихъ только источникъ физическаго и духовнаго угнетенія, — вотъ взглядъ принятый у насъ безъ оговорокъ огромнымъ большинствомъ даже и грамотныхъ людей. Этотъ взглядъ сложился давно и крѣпко, — вспомните какъ была принята въ Россіи книга Г. В. Плеханова. «Наши разногласія» и какую бурю поднялъ «Іоаннъ Креститель всѣхъ нашихъ возрожденій» П. Б. Струве «Критическими замѣтками».

Кричать объ анархіи такъ же безполезно, какъ безполезно и постыдно кричать «пожаръ!» видя, что огонь истребляетъ домъ, но не принимая никакого, — кромѣ словеснаго, — участія въ борьбѣ съ огнемъ.

Полемика — премилое занятіе для любителей схоластическихъ упражненій въ словесности, и для тѣхъ людей, которые долгомъ своимъ почитаютъ всегда и во всемъ доказывать свою правоту, точность мысли своей и прочія превосходныя качества, коихъ эти люди являются безспорными обладателями.

Но — будетъ значительно полезнѣе, если мы — предоставивъ судъ надъ нами исторіи — немедля же начнемъ культурную работу, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова,

если мы отдадимъ таланты, умы и сердца наши россійскому народу для воодушевленія его къ разумному творчеству новыхъ формъ жизни.

31-го мая.

Весьма вѣроятно, что мои мысли «наивны». я уже говорилъ, что считаю себя плохимъ публицистомъ. но все-таки съ упрямствомъ, достойнымъ, быть можетъ, лучшаго примѣненія. «я буду продолжать свою линію», не смущаясь тѣмъ, что «гласъ» мой останется «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ», увы! — не безлюдной.

Съ книжнаго рынка почти совершенно исчезла хорошая, честная книга, — лучшее орудіе культуры. Почему исчезла, — объ этомъ въ другой разъ. Нѣтъ толковой, объективно-поучающей книги и расплодилось множество газетъ, которыя изо-дня въ день поучаютъ людей враждѣ и ненависти другъ ко другу, клевещутъ, возятся въ пошлѣйшей грязи, ревутъ и скрежещутъ зубами, яко бы работая надъ рѣшеніемъ вопроса о томъ — кто виноватъ въ разрухѣ Россіи?

Разумѣется, каждый изъ спорщиковъ искреннѣйше убѣжденъ, что виноваты всѣ его противники, а правъ только онъ, имъ поймана, въ его рукахъ трепещетъ та чудесная птица, которую зовутъ истиной.

Сцѣпившись другъ съ другомъ, газеты катаются по улицамъ клубкомъ ядовитыхъ змѣй, отравляя и пугая обывателя злобнымъ шипѣніемъ своимъ, обучая его «свободѣ слова» — точнѣе говоря, свободѣ искаженія правды, свободѣ клеветы.

«Свободное слово» постепенно становится неприличнымъ словомъ. Конечно, — «въ борьбѣ каждый имѣетъ право бить чѣмъ попало и куда попало»: конечно, — «политика — дѣло безстыдное» и «наилучшій политикъ — наиболѣе безсовѣстный человѣкъ», — но, признавая гнусную правду этой зулусской морали, — какую, все-таки, чувствуешь

тоску, какъ мучительна тревога за молодую Русь, только что причастившуюся даровъ свободы!

Какая отрава течетъ и брызжетъ со страницъ той скверной бумаги, на которой печатаютъ газеты!

Долго молился русскій человѣкъ Богу своему: «Отверзи уста моя!» Отверзлись уста и безудержно изрыгаютъ глаголы ненависти, лжи, лицемѣрія, глаголы зависти и жадности. Хоть бы страсть кипѣла въ этомъ, страсть и любовь, но — не чувствуется ни любви, ни страсти. Чувствуется только одно — упорное и — надо сказать — успѣшное стремленіе цензовыхъ классовъ изолировать демократію, свалить на ея голову всѣ ошибки прошлаго, всѣ грѣхи, поставить ее въ условія, которыя неизбѣжно заставили бы демократію еще болѣе увеличить ошибки и грѣхи.

Это ловко задумано и не плохо выполняется. Уже вполнѣ ясно, что когда пишутъ «большевикъ», то подразумѣваютъ — демократъ, и не менѣе ясно то, если сегодня травятъ большевиковъ за ихъ теоретическій максимализмъ, завтра будутъ травить меньшевиковъ, потому что они соціалисты, а послѣ-завтра начнутъ грызть «Единство» за то, что оно все-таки не достаточно «лояльно» относится къ священнымъ интересамъ «здравомыслящихъ людей». Демократія не является святыней неприкосновенной, — право критики, право порицанія должно быть распространяемо и на нее, это — внѣ спора. Но, хотя критика и клевета начинаются съ одной буквы, — между этими двумя понятіями есть существенное различіе, — какъ странно, что это различіе для многихъ грамотныхъ людей совершенно неуловимо! О, конечно, нѣкоторые вожди демократіи «бухаютъ въ колоколъ, не посмотрѣвъ въ святцы», — но не забудемъ, что вожди цензовыхъ классовъ отвѣчаютъ на эти ошибки пагубной для страны «итальянской» забастовкой бездѣйствія и запугиваніемъ обывателя, запугиваніемъ, которое уже дастъ такіе результаты, какъ напр. слѣдующее «Письмо къ Временному Правительству», полученное мною:

«Революція погубила Россію, потому что всѣмъ волю дали; у насъ вездѣ анархія. Радуются евреи, которые получили равноправіе; они погубили и погубятъ русскій народъ. Надо для спасенія страны самодержавіе».

Не первое письмо такого тона получаю я, и надо ожидать, что количество людей, обезумѣвшихъ со страха, будетъ расти все быстрѣй, — пресса усердно заботится объ этомъ.

Но именно теперь, въ эти трагически запутанные дни, ей слѣдовало бы помнить о томъ, какъ слабо развито въ русскомъ народѣ чувство личной отвѣтственности и какъ привыкли мы карать за свои грѣхи нашихъ сосѣдей.

Свободное слово! Казалось, что именно оно-то и послужитъ развитію у насъ, на Руси, чувства уваженія къ личности ближняго, къ его человѣческимъ правамъ. Но, переживая эпидемію политическаго импрессіонизма, подчиняясь впечатлѣніямъ «злобы дня», мы употребляемъ «свободное слово» только въ бѣшеномъ спорѣ на тему о томъ, кто виноватъ въ разрухѣ Россіи. А тутъ и спора нѣтъ, ибо — всѣ виноваты.

И всѣ — болѣе или менѣе лицемѣрно — обвиняютъ другъ друга, и никто ничего не дѣлаетъ, чтобъ противопоставить бурѣ эмоціи силу разума, силу доброй воли.

8-го іюня.

На страницахъ «Новаго Времени» печатается объявленіе о томъ, что анонимное американское общество ассигновало 20 милліоновъ долларовъ для скупки въ Россіи старинныхъ художественныхъ вещей изъ золота и серебра, а также картинъ, бронзы, фарфора и вообще предметовъ искусства.

20 милліоновъ долларовъ, — это, кажется, болѣе 75-ти милліоновъ рублей; какъ видите, дѣло поставлено «по-американски» широко. Организаторы этого начинанія видимо учли смыслъ такихъ явленій, какъ разгромъ ворами дворца герцога Лейхтенбергскаго, возможность погромовъ кресть-

ществомъ старинныхъ дворянскихъ усадебъ и все прочее въ этомъ духѣ.

Учли они также и общую некультурность всѣхъ слоевъ населенія страны, общую всѣмъ намъ низкую оцѣнку значенія искусства и дешевизну русскихъ денегъ и всю силу тѣхъ трагическихъ условій, въ которыхъ мы живемъ.

Лавина американскихъ денегъ, несомнѣнно, вызоветъ великіе соблазны не только у темныхъ людей Александровскаго рынка, но и у людей болѣе грамотныхъ, болѣе культурныхъ. Не будетъ ничего удивительнаго въ томъ, если разные авантюристы сорганизуютъ шайки воровъ спеціально для разгрома частныхъ и государственныхъ коллекцій художественныхъ предметовъ.

Еще менѣе можно будетъ удивляться и негодовать, если напуганные «паникой», усиленно развиваемой ловкими политиками изъ соображеній «тактическихъ», обладатели художественныхъ коллекцій начнутъ сами сбывать въ Америку національныя сокровища Россіи, прекрасные цвѣты ея художественнаго творчества.

При всей силѣ нашихъ криковъ о любви къ родинѣ, эта любовь рѣдко возвышается надъ себялюбіемъ, надъ очень подленькимъ эгоизмомъ.

Американское предпріятіе, — его, конечно, поведутъ съ американской энергіей, — это предпріятіе грозитъ нашей странѣ великимъ опустошеніемъ, оно выкоситъ изъ Россіи массу прекрасныхъ вещей, историческая и художественная цѣнность которыхъ выше всякихъ милліоновъ.

Оно вызоветъ къ жизни темный инстинктъ жадности, и возможно, что мы будемъ свидѣтелями исторій, предъ которыми потускнѣетъ фантастическая исторія похищенія изъ Лувра безсмертной картины Леонардо да Винчи.

Мнѣ кажется, что во избѣжаніе разврата, который обязательно будетъ внесенъ въ русскую жизнь потокомъ долларовъ, во избѣжаніе расхищенія національныхъ сокровищъ страны и панической распродажи ихъ собственниками, правительство должно немедля опубликовать актъ о времен-

номъ запрещеніи вывоза изъ Россіи предметовъ искусства и о запрещеніи распродажи частныхъ коллекцій прежде, чѣмъ лица, уполномоченныя Правительствомъ, не оцѣнять національнаго значенія подобныхъ коллекцій.

9-го іюня.

«Довлѣетъ дневи злоба его», — это естественно, это законно; однако, у текущаго дня двѣ злобы: борьба партій за власть, и культурное строительство. Я знаю, что политическая борьба — необходимое дѣло, но принимаю это дѣло, какъ неизбѣжное зло. Ибо не могу не видѣть, что въ условіяхъ даннаго момента и при наличіи нѣкоторыхъ особенностей русской психики, — политическая борьба дѣлаетъ строительство культуры почти совершенно невозможнымъ.

Задача культуры — развитіе и укрѣпленіе въ человѣкѣ соціальной совѣсти, соціальной морали; разработка и организація всѣхъ способностей, всѣхъ талантовъ личности, — выполнима ли эта задача во дни всеобщаго озвѣрѣнія?

Подумайте, что творится вокругъ васъ: каждая газета, имѣя свой районъ вліянія, ежедневно вводитъ въ души читателей самыя позорныя чувства — злость, ложь, лицемѣріе, цинизмъ и все прочее этого порядка.

У однихъ возбуждаютъ страхъ предъ человѣкомъ и ненависть къ нему, у другихъ — презрѣніе и месть, утомляя третьихъ однообразіемъ клеветы, заражая ихъ равнодушіемъ отчаянія. Эта дѣятельность людей, которые заболѣли воспаленіемъ темныхъ инстинктовъ, не только не имѣетъ ничего общаго съ проповѣдью культуры, но рѣзко враждебна ея цѣлямъ.

А, вѣдь, революція совершена въ интересахъ культуры и вызвалъ ее къ жизни именно ростъ культурныхъ силъ, культурныхъ запросовъ.

*

Русскій человѣкъ, видя свой старый бытъ до основанія потрясеннымъ войною и революціей, орётъ на всѣ голоса о культурной помощи ему, орётъ, обращаясь именно «въ газету» и требуя отъ нея рѣшеній по самымъ разнообразнымъ вопросамъ.

Вотъ, напримѣръ, группа солдатъ «Кавказской арміи» пишетъ:

«Учащаются случаи звѣрской расправы солдатъ съ измѣнившими имъ женами. Хлопочите, пожалуйста, чтобъ сознательные люди и соціальная печать выступили на борьбу съ эпидемическимъ явленіемъ и разъяснили, что бабы не виноваты. Мы, пишущіе, знаемъ, кто виноватъ, и женщинъ не обвиняемъ, потому что всякій человѣкъ обязанъ своей природѣ и хочетъ назначеннаго природой ему.»

Вотъ еще сообщеніе на эту тему:

«Пишу въ поѣздѣ, выслушавъ разсказъ солдата, который со злобными слезами повѣдалъ, что онъ дезертиръ съ фронта и убѣжалъ для устройства двухъ дѣтишекъ, брошенныхъ стервой женой. Клянется, что расправится съ ней. Изъ-за женщинъ дезертировъ сотни и тысячи. Какъ тутъ быть?

«Въ Ростовѣ-на-Дону солдаты водили по улицамъ голую распутницу съ распущенными волосами, съ выкриками о ея похабствѣ и били за ней по разбитому ведру. Организаторы безобразія — мужъ ея и ея же любовникъ, фельдфебель. Позвольте замѣтить, что страхъ передъ позоромъ не укротитъ инстинкта, а, между прочимъ, эти гадости лицезрѣютъ дѣти. Что же молчитъ пресса?»

А вотъ письмо, переносящее «женскій вопросъ» уже въ другую плоскость:

«Прошу сообщить заказнымъ письмомъ или подробно въ газетѣ, какъ надо понимать объявленное равноправіе съ нами для женщины и что она теперь будетъ дѣлать.

Нижеподписанные крестьяне встревожены закономъ, отъ котораго можетъ усилиться беззаконіе, а теперь деревня держится бабой. Семья отмѣняется изъ-за этого и пойдетъ разрушеніе хозяйства».

Далѣе: «Объявляю тебѣ, другъ людей, что по деревнямъ происходитъ чепуха, потому что солдаткамъ надѣляютъ землю, что похуже и негодно, и онѣ ревмя ревутъ. Воротятся съ войны мужья ихъ, такъ изъ этого будетъ драка. сдѣлайте одолженіе. Надобно разъяснить мужикамъ, чтобы дѣлали по правдѣ».

И снова: «Пришлите книжку о правахъ женскихъ».

Не всѣ письма на эту тему использованы мною, но есть тема, еще болѣе часто повторяемая въ письмахъ, — это требованіе книгъ по разнымъ вопросамъ.

Пишутъ объ отношеніи къ попамъ, спрашиваютъ, «будутъ ли измѣнены переселенческіе законы», просятъ разсказать «объ американскомъ государствѣ», о томъ, какъ надо лечить сифилисъ и нѣтъ ли закона «о свозкѣ увѣчныхъ въ одно мѣсто». присылаютъ «прошенія» о томъ, чтобы солдатамъ въ окопы отправлять лукъ, — онъ «очень хорошъ противъ цынги».

Всѣ эти «прошенія», «сообщенія», «запросы» не находятъ мѣста на страницахъ газетъ, занятыхъ желчной и злобной грызней. Руководители газетъ какъ будто забываютъ, что за кругомъ ихъ вліянія остаются десятки милліоновъ людей, у которыхъ инстинктъ борьбы за власть еще дремлетъ, но уже проснулось стремленіе къ строительству новыхъ формъ быта.

И видя, какимъ цѣлямъ служитъ «свободное слово», эти милліоны легко могутъ почувствовать пагубное презрѣніе къ нему, а эта будетъ ошибка роковая и надолго непоправимая.

Нельзя ли удѣлять поменьше мѣста языкоблудію и побольше живымъ интересамъ демократіи? Не заинтересованы ли всѣ мы въ томъ, чтобъ люди почувствовали объективную цѣнность культуры и обязательную прелесть ея?

16-го іюня.

«Три года кроваваго кошмара, истребившаго цвѣтъ населенія Европы; три года, какъ вся Европа въ кровавомъ опьяненіи уничтожаетъ своихъ наиболѣе здоровыхъ, наиболѣе сильныхъ сыновъ.

Исторія выдвинула на первую очередь и требуетъ немедленнаго разрѣшенія вопроса о будущемъ страны. Полное обнищаніе, дикое озвѣрѣніе грозитъ намъ, если не начать сейчасъ же работать во имя будущаго. Если всѣмъ странамъ трудно будетъ оправиться отъ этой тяжелой, затяжной и опустошительной катастрофы, это будетъ особенно трудно Россіи. Вѣками алкоголизированное царскими кабаками населеніе, отравленная сифилисомъ деревня, 50% дѣтской смертности до 5-ти лѣтъ и чуть ли не поголовная неграмотность и невѣжество. Если сейчасъ немедленно не приложить всѣхъ силъ для спасенія будущаго Россіи, ея дѣтей — великая страна погибла, погибъ великій народъ.

Союзъ рабочихъ табачныхъ и гильзовыхъ фабрикъ сдѣлалъ первую слабую попытку въ области общественной заботы о дѣтяхъ — свыше 1000 дѣтей отправлены на воздухъ, къ природѣ, къ солнцу. Но, несмотря на призывы къ педагогамъ, къ лигѣ соціальнаго воспитанія, къ интеллигенціи, отклика нѣтъ, и культурное руководство нашимъ рабочимъ начинаніемъ никто не хочетъ брать.

Педагоги, фребелички, интеллигенція, отзовитесь, придите на помощь!

Промедленіе — смерти подобно.

Предсѣдатель союза *А. Каплана*».

Неужели этотъ разумный и страстный призывъ не встрѣтитъ сочувственнаго отклика интеллигенціи, неужели глубокая важность начинанія, созданнаго энергіей Каплана, не будетъ понята людьми, сердца которыхъ не оглушены шумомъ политической борьбы?

Весь міръ, мы всѣ тоскуемъ о честномъ, здоровомъ человѣкѣ, мы любимъ его въ мечтахъ нашихъ, — развѣ

это только литературная тоска, платоническая, безкровная любовь?

Казалось бы, что опытъ «Союза рабочихъ табачныхъ и гильзовыхъ фабрикъ» долженъ привлечь дѣятельное вниманіе интеллигенціи. — Вѣдь предъ нею открывается прекрасная возможность продуктивной работы на почвѣ соціальной педагогики и возможность широко ознакомиться съ культурными запросами и стремленіями рабочихъ. Я увѣренъ, что это знакомство измѣнило бы строй чувствъ и мнѣній, сложившихся за послѣдніе мѣсяцы среди интеллигенціи, — поколебало бы тотъ скептицизмъ, тѣ тяжелыя сомнѣнія, которыя вызваны и возбуждаются газетной травлей, которую развиваютъ высокоумные политики, руководствуясь только тактикой борьбы.

Но — это дѣло второй степени, а прежде всего мы всѣ должны бы озаботиться тѣмъ, чтобы — по моему это возможно — извлечь дѣтей изъ атмосферы города, развращающей ихъ. Объ этомъ много говорилось, но вотъ теперь, когда сами рабочіе стали дѣлать это, они не встрѣчаютъ помощи. Что же, — опять:

«Суждены намъ благіе порывы,
Но свершить ничего не дано.»

18-го іюня.

Равноправіе евреевъ — одно изъ прекрасныхъ достиженій нашей революціи. Признавъ еврея равноправнымъ русскому, мы сняли съ нашей совѣсти позорное кровавое и грязное пятно.

Въ этомъ поступкѣ нѣтъ ничего, что давало бы намъ право гордиться имъ. Уже только потому, что еврейство боролось за политическую свободу Россіи гораздо болѣе честно и энергично, чѣмъ дѣлали это многіе русскіе люди, потому, что евреи давали гораздо меньше ренегатовъ и провокаторовъ — мы не должны и не можемъ считаться «благодѣтелями евреевъ», какъ называютъ себя въ пись-

махъ ко мнѣ нѣкоторые «добродушные» и «мягкосердечные» русскіе люди.

Кстати: изумительно безстыдно лаются эти добродушные, мягкосердечные люди!

Освободивъ еврейство отъ «черты осѣдлости», изъ постыднаго для насъ «плѣна ограниченій», мы дали нашей родинѣ возможность использовать энергію людей, которые умѣютъ работать лучше насъ, а всѣмъ извѣстно, что мы очень нуждаемся въ людяхъ, любящихъ трудъ.

Гордиться намъ нечѣмъ, но — мы могли бы радоваться тому, что наконецъ догадались сдѣлать дѣло хорошее и морально и практически.

Однако радости по этому поводу — не чувствуется; вѣроятно потому, что намъ некогда радоваться — всѣ мы страшно заняты «высокой политикой», смыслъ которой всего лучше изложенъ въ пѣсенкѣ какихъ-то антропофаговъ:

Тигры любятъ мармеладъ,
Люди ближняго ѣдятъ.
Ахъ, какая благодать
Кости ближняго глодать!

Радости — не чувствуется, но антисемитизмъ живъ и понемножку, осторожно снова поднимаетъ свою гнусную голову, шипитъ, клевещетъ, брызжетъ ядовитой слюной ненависти.

Въ чемъ дѣло? А въ томъ, видите ли, что среди анархически настроенныхъ большевиковъ оказалось два еврея. Кажется даже три. Нѣкоторые насчитываютъ семерыхъ и убѣждены, что эти семеро Сампсоновъ разрушатъ въ дребезги 170-милліонную храмину Россіи.

Это было бы очень смѣшно и глупо, если бъ не было подло.

Грозный еврейскій Богъ спасалъ цѣлый городъ грѣшниковъ за то, что среди нихъ оказался одинъ праведникъ; люди, вѣрующіе въ кроткаго Христа, полагаютъ, что за грѣхи двухъ или семерыхъ большевиковъ долженъ страдать весь еврейскій народъ.

Разсуждая такъ, слѣдуетъ признать, что за Ленина, чистокровнаго русскаго грѣшника, должны отвѣчать всѣ уроженцы Симбирской губерніи, а также и смежныхъ съ нею.

Евреевъ значительно больше среди меньшевиковъ, но мои корреспонденты, притворяясь людьми невѣжественными, утверждаютъ, что всѣ евреи — анархисты.

Это очень дрянное обобщеніе. Я убѣжденъ, я знаю, что въ массѣ своей евреи — къ изумленію моему — обнаруживаютъ болѣе разумной любви къ Россіи, чѣмъ многіе русскіе.

Этого не замѣчаютъ, хотя это очень рѣзко бросается въ глаза, если взять статьи евреевъ-журналистовъ.

Въ «Рѣчи», газетѣ, которую можно не любить, но тѣмъ не менѣе очень почтенной газетѣ, работаетъ не мало евреевъ. «Новое Время», въ числѣ сотрудниковъ коего тоже есть евреи, еще не такъ давно называло «Рѣчь» «еврейской газетой».

Сотрудники «Рѣчи» совершенно лишены даже и тѣни симпатіи къ большевикамъ.

Есть еще тысячи доказательствъ въ пользу того, что уравненіе еврей-большевикъ — глупое уравненіе, вызываемое зоологическими инстинктами раздраженныхъ россіянъ.

Я, разумѣется, не стану приводить эти доказательства — честнымъ людямъ они не нужны, для безчестныхъ — не убѣдительны.

Идіотизмъ — болѣзнь, которую нельзя излечить внушеніемъ. Для больного этой неизлѣчимой болѣзнью ясно: такъ какъ среди евреевъ оказалось семь съ половиной большевиковъ, значитъ — во всемъ виноватъ еврейскій народъ. А посему...

А посему честный и здоровый русскій человѣкъ снова начинаетъ чувствовать тревогу и мучительный стыдъ за Русь, за русскаго головотяпа, который въ трудный день жизни непремѣнно ищетъ врага своего гдѣ-то внѣ себя, а не въ безднѣ своей глупости.

Надѣюсь, что мои многочисленные корреспонденты удовлетворены этимъ отвѣтомъ по «еврейскому вопросу».

И добавлю — для меня нѣтъ больше такого вопроса.

Я не вѣрю въ успѣхъ клеветнической пропаганды антисемитизма. И я вѣрю въ разумъ русскаго народа, въ его совѣсть, въ искренность его стремленія къ свободѣ, исключающей всякое насиліе надъ человѣкомъ. Вѣрю, что «все минется, одна правда останется».

27-го іюня.

Нѣкій почтенный гражданинъ пишетъ мнѣ:

«Ужасъ охватываетъ душу, когда слышишь на уличныхъ митингахъ, какъ солдаты, ревностно защищая крайніе лозунги ленинцевъ, въ то же время легко поддаются погромной агитаціи людей, которые нашептываютъ имъ о засиліи евреевъ въ «Совѣтѣ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ». Однажды я спросилъ солдата: какъ совмѣщается въ его умѣ «соціальная революція» съ враждебнымъ отношеніемъ къ національностямъ? Онъ отвѣтилъ:

— Мы народъ необразованный, не наше солдатское дѣло разбираться въ такихъ мудреныхъ вопросахъ».

Другая корреспондентка сообщаетъ:

«Когда я сказала кондуктору трамвая, что соціалисты борются за равенство всѣхъ народовъ, онъ возразилъ:

— Плевать намъ на соціалистовъ, соціализмъ — это господская выдумка, а мы рабочіе — большевики».

У цирка «Модернъ» группа солдатъ и рабочихъ ведетъ бесѣду съ молоденькимъ нервнымъ студентомъ.

— Если мы будемъ только спорить другъ съ другомъ вотъ такъ враждебно, какъ вы спорите, а учиться не станемъ, — кричитъ студентъ, надрываясь.

— Чему учиться? — сурово спрашиваетъ пожилой солдатъ. — Чему ты меня можешь научить? Знаемъ мы васъ, — студенты всегда бунтовали. Теперь — наше время, а васъ пора долой всѣхъ буржуазію!

Часть публики смѣется, но какой-то щеголь, похожій на парикмахера, горячо говоритъ:

— Это вѣрно, товарищи! Довольно командовала нами интеллигенція, теперь, при свободѣ правъ, мы и безъ нея обойдемся.

Великія и грозныя опасности скрыты въ этомъ возбужденномъ невѣжествѣ!

Не однажды приходилось мнѣ на ночныхъ митингахъ Петроградской стороны слышать и противопоставленія большевизма соціализму, и нападки на интеллигенцію, и много другихъ, столь же нелѣпыхъ и вредныхъ мнѣній. Это — въ центрѣ революціи, гдѣ идеи заостряются до послѣдней возможности, откуда онѣ текутъ по всей темной, малограмотной странѣ.

Развивается ли въ странѣ процессъ единенія разумныхъ революціонныхъ силъ, растетъ ли въ ней энергія, необходимая строительству культуры?

Есть признаки, какъ будто, подсказывающіе отрицательный отвѣтъ.

Одинъ изъ этихъ признаковъ — все болѣе замѣтное уклоненіе интеллигенціи отъ работы въ массахъ и возникающія среди ея — то тутъ, то тамъ, — попытки создать самостоятельныя, чисто интеллигентскія организаціи.

Очевидно, что есть причины, которыя отталкиваютъ интеллигента отъ массы, и очень вѣроятно, что одной изъ этихъ причинъ является то скептическое, а часто и враждебное отношеніе темныхъ людей къ интеллигенту, которое изо дня въ день внушается массѣ различными демагогами.

Этотъ расколъ можетъ быть очень полезенъ трудовой интеллигенціи — она объединится въ организацію весьма внушительную и способную совершить много культурной работы.

Но, отходя постепенно отъ массы, увлекаясь собственными интересами, задачами и настроеніями, она еще болѣе углубитъ и расширитъ разрывъ между инстинктомъ и интеллектомъ, а этотъ разрывъ — наше несчастіе, въ немъ

источникъ нашей неработоспособности, нашихъ неудачъ въ творчествѣ новыхъ условій жизни.

Оставаясь безъ руководителей, въ атмосферѣ буйной демагогіи, масса еще болѣе нелѣпо начнетъ искать различія между рабочими и соціализмомъ и общности между «буржуазіей» и трудовой интеллигенціей.

А среди послѣдней раздаются призывы, диктуемые, несомнѣнно, благими намѣреніями и порывами, но отводящіе интеллектуальную энергію въ сторону отъ интересовъ массы, отъ запросовъ текущаго дня.

Въ «Извѣстіяхъ Юга», органѣ Харьковскаго и областного Комитетовъ Совѣтовъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, нѣкто Иванъ Станковъ пишетъ:

«Есть огромной важности заданіе всего соціализма: это — поднятіе уровня культуры, сознаніе личности, повышеніе личности и повышеніе всенародной интеллигентности. Есть лозунгъ: широко и сразу открыть двери Солнца, Красоты и Знанія для всего народа, дабы не было неинтеллигентныхъ, дабы наше дѣленіе на интеллигентныхъ и неинтеллигентныхъ возможно скорѣе стало дикимъ пережиткомъ стараго строя, старыхъ школъ и системъ.

Пропаганда и ближайшее осуществленіе идеи «всенародной интеллигентности» и есть, по моему убѣжденію, одна изъ тѣхъ неразрывныхъ, неотложныхъ и важнѣйшихъ задачъ соціализма, которую честная объединенная интеллигенція, сознавая это какъ долгъ передъ народомъ, обязана поставить исходнымъ основаніемъ своихъ домоганій и провести ихъ въ строительствѣ новомъ, наряду и совмѣстно съ общей платформой соціалистическихъ требованій всѣхъ партій. Только интеллигентность, очищенная отъ язвъ буржуазнаго строя, станетъ солнечной народной правдой. Станетъ солнцемъ Разума и Красоты».

Слова хорошія. Еще лучше написано воззваніе Исполнительнаго Комитета Харьковскаго Совѣта Депутатовъ Трудовой Интеллигенціи.

Къ вамъ, интеллигентные труженики Харьковской губерніи, обращается настоящій призывъ.

По злой ироніи судьбы россійская интеллигенція, усѣявшая костьми своихъ мучениковъ крестный путь народнаго освобожденія и на всемъ протяженіи своей исторіи выполнявшая великую просвѣтительную и организаціонную работу, оказалась въ настоящій моментъ, когда организовано все, неорганизованной сама. Организуя другихъ, интеллигенція, какъ классъ, забыла или не успѣла организовать себя. При ея непосредственномъ участіи организовались рабочіе, солдаты и крестьянство, справа отъ нея усиленно организуется буржуазія, и лишь она одна, трудовая интеллигенція, богатая знаніемъ, опытомъ и общественными навыками, остается необъединенной и разсыпанной въ пыль.

Классъ, лучше всѣхъ вооруженный для общественной работы и борьбы, классъ активныхъ традицій и свѣтлыхъ соціальныхъ идеаловъ вынужденъ плестись въ самомъ хвостѣ событій, безсильный ихъ направлять.

Не мѣсто выяснять причины, но несомнѣнный фактъ что классъ интеллигентнаго труда, какъ классъ въ его цѣломъ, въ настоящій моментъ не входитъ и не можетъ войти ни въ одну изъ существующихъ общественныхъ группировокъ.

Отсюда необходимость его самостоятельнаго строительства.

Но всѣ данныя для такого строительства налицо. Великій экономическій признакъ, признакъ наемнаго труда, признакъ возмезднаго отчужденія своей интеллигентской работы капиталу во всѣхъ его разновидностяхъ — вотъ та база, на которой зиждется классъ трудовой интеллигенціи въ огромномъ его большинствѣ, вотъ та желѣзная цѣпь, которая призвана сковать его въ одно неразрывное цѣлое. Въ этомъ смыслѣ трудовая интеллигенція есть одинъ изъ отрядовъ великаго класса современнаго пролетаріата, одинъ изъ членовъ великой рабочей семьи.

Но опредѣливъ трудовую интеллигенцію, какъ отрядъ рабочаго класса, мы тѣмъ самымъ опредѣлили и ея соціальную сущность.

Классъ трудовой интеллигенціи, сознавшій самого себя, можетъ быть только соціалистическимъ.

Великая россійская революція не закончилась, она продолжается. Огромныя общественныя задачи — завершеніе войны, государственное устроеніе, рѣшеніе земельной проблемы и организація народнаго хозяйства, переживающаго тягчайшій кризисъ, стоятъ передъ страной во всемъ своемъ грозномъ величіи и властно требуютъ разрѣшенія.

Товарищи, интеллигентные работники г. Харькова и Харьковской губерніи. По примѣру сердца Россіи, Москвы, гдѣ интеллигентный пролетаріатъ организовался въ мощный Совѣтъ депутатовъ трудовой интеллигенціи, по образцу другихъ демократическихъ совѣтовъ депутатовъ рабочихъ, крестьянскихъ и солдатскихъ, объединяйтесь въ свой Харьковскій Совѣтъ Депутатовъ Трудовой Интеллигенціи.

Только въ единеніи сила, только въ солидарности мощь.

Стремленіе трудовой интеллигенціи къ созданію самостоятельныхъ организацій возникаетъ не только въ Москвѣ и Харьковѣ. Можетъ быть, это стремленіе необходимо и всячески оправдано, но не осталась бы народная масса безъ головы.

Но, все-таки, встаетъ тревожный вопросъ: что это — процессъ единенія силъ или распада ихъ?

29-го іюня.

На словахъ — всѣ согласны, что россійское государство трещитъ по всѣмъ швамъ и разваливается, какъ старая баржа въ половодье.

Никто, какъ будто, не споритъ противъ необходимости культурнаго строительства. И, вѣроятно, никто не станетъ возражать противъ того, что для всѣхъ насъ обязательно крайне осторожное отношеніе къ человѣку, очень внима-

тельное къ факту. Мы никогда еще не нуждались столь жестоко въ точныхъ и мужественно-правдивыхъ оцѣнкахъ явленій жизни, возмущенной до послѣдней глубины, — явленіяхъ, которыя грозятъ всѣмъ намъ въ странѣ нашей безконечной китайской разрухой.

Но никогда еще наши оцѣнки, умозаключенія, прожекты не отличались столь печальной поспѣшностью, какъ въ эти трагическіе дни.

Я, конечно, вполнѣ согласенъ съ ироническими словами Вл. Каренина, автора превосходнѣйшей книги о Жоржъ-Зандъ:

«Политики. — консерваторы или либералы, — люди, убѣжденные въ своемъ знаніи истины и въ правѣ преслѣдованія другихъ за заблужденія...» я прибавилъ бы только — въ интересахъ справедливости — къ либераламъ и консерваторамъ радикаловъ-революціонеровъ и прозелитовъ соціализма.

«Борьба за власть» — неизбѣжна, однако, надъ чѣмъ-же будутъ «властвовать» побѣдители, когда вокругъ нихъ останутся только гнилушки и головни?

Увлеченіе политикой какъ бы совершенно исключаетъ здравый интересъ къ дѣлу культуры, — едва ли это полезно для больной страны и ея жителей, въ головахъ большинства которыхъ «чортъ палкой помѣшалъ». Я позволю себѣ указать на такой фактъ: «Свободная ассоціація для развитія и распространенія положительныхъ наукъ» вызываетъ въ демократическихъ массахъ чрезвычайно внимательное отношеніе къ ея задачамъ.

Вотъ напр. «обозные солдаты Нижегородскаго Драгунскаго полка, посылая свою ленту въ фондъ «Научнаго Института» пишутъ, что «Ассоціація — великое національное дѣло». Союзъ служащихъ Полтавы называетъ Институтъ «всенароднымъ дѣломъ» и т. д. Можно привести десятки отзывовъ солдатъ, рабочихъ, крестьянъ, и всѣ эти отзывы свидѣтельствуетъ о жаждѣ просвѣщенія, о глубокомъ пониманіи немедленности культурнаго строительства.

Иначе относится къ этому дѣлу столичная пресса: когда «Ассоціація» послала воззванія о цѣляхъ и нуждахъ своихъ въ главнѣйшія газеты Петрограда, — ни одна изъ этихъ газетъ, кромѣ «Новой Жизни» не напечатала воззванія. Организуется «Домъ-Музей памяти борцовъ за свободу», нѣчто подобное институту соціальныхъ наукъ и гражданскаго воспитанія, — только одна «Рѣчь» посвятила этому дѣлу нѣсколько сочувственныхъ строкъ.

Устраивается «Лига соціальнаго воспитанія», въ задачи ея входитъ и забота о дошкольномъ воспитаніи дѣтей улицы, — и это лучшій способъ борьбы съ хулиганствомъ, это дастъ возможность посѣять въ душѣ ребенка зерна гражданственности.

«Свободное слово» столичной прессы молчитъ по этому поводу. Молчитъ оно и о «Внѣпартійномъ Союзѣ молодежи», объединяющемъ уже тысячи подростковъ и юношей, въ возрастѣ отъ 13 до 20 лѣтъ. Въ провинціи развивается культурное строительство, — не преувеличивая, можно сказать, что въ десяткахъ селъ и уѣздныхъ городовъ организуются «Народные дома», наблюдается живѣйшее стремленіе къ наукѣ, знанію.

Столичная печать молчитъ объ этомъ спасительномъ явленіи, она занимается тѣмъ, что съ какой-то страшной, безстрастной яростью пугаетъ обывателя анархіей — и тѣмъ усиливаетъ ее.

Газеты Петрограда вызываютъ впечатлѣніе безтолковаго «страшнаго суда», въ кототомъ всѣ участвующіе — судьи и, въ то же время, всѣ они — безпощадно обвиняемые.

Если вѣрить вліятельнымъ газетамъ нашимъ, то необходимо признать, что на «Святой Руси» совершенно нѣтъ честныхъ и умныхъ людей. Если согласиться съ показаніями журналистовъ, то революція величайшее несчастіе наше, она и развратила всѣхъ насъ, и свела съ ума. Это было бы страшно, если бъ не было глупо, не вызывалось «запальчивостью и раздраженіемъ». Говорятъ: на улицѣ

установилось отвратительно грубое отношеніе къ человѣку. Нѣтъ, это не вѣрно!

На ночныхъ митингахъ улицы пламенно обсуждаются самые острые вопросы момента, но почти не слышно личныхъ оскорбленій, рѣзкихъ словъ, ругательствъ.

Въ газетахъ — хуже.

«Подлецы». — пишетъ Биржевка по адресу какихъ-то людей, несогласныхъ съ нею. Слова — воръ, мошенникъ, дуракъ, — стали вполнѣ цензурными словами; слово «предатель» раздается столь же часто, какъ въ трактирахъ стараго времени раздавался возгласъ «человѣкъ»!

Эта разнузданность, это языкоблудіе внушаетъ грустное и тревожное сомнѣніе въ искренности газетныхъ воплей о гибели культуры, о необходимости спасать ее. Это не крики сердца, а возгласы тактики. Но, между тѣмъ, культура дѣйствительно въ опасности и эту опасность надо искренно почувствовать, съ нею необходимо мужественно бороться.

Способны ли мы на это?

*

Кстати: вотъ одна изъ иллюстрацій отношенія прессы къ фактамъ. Въ одинъ и тотъ же день въ двухъ газетахъ разсказали:

Одна:

«Въ воскресенье вечеромъ на Богословскомъ кладбищѣ казачій хорунжій Федоровъ шашкой изрубилъ на могилѣ анархиста Аснина футляръ съ вѣнкомъ и нѣсколько знаменъ. Находившіеся на кладбищѣ милиціонеры 3-го Выборгскаго подрайона задержали хорунжаго и препроводили въ комиссаріатъ, гдѣ и былъ составленъ протоколъ о нарушеніи Федоровымъ порядка въ общественномъ мѣстѣ. Спустя часъ, въ комиссаріатъ явилась группа анархистовъ въ количествѣ человѣкъ 15, которая и предъявила требованіе выдать имъ задержаннаго. Комиссаръ отказалъ анархистамъ въ выдачѣ и препроводилъ Федорова къ военному

коменданту Полюстровскаго подрайона, откуда подъ охраной казачьяго разъѣзда хорунжій былъ доставленъ домой».

Другая:

«Какъ сообщаютъ, при похоронахъ убитаго на дачѣ Дурново «анархиста» Аснина произошелъ инцидентъ, едва не разрѣшившійся кровавымъ столкновеніемъ.

Анархисты почему-то выбрали мѣстомъ погребенія Аснина православное Богословское кладбище и водрузили на могилѣ крестъ.

Находившіеся случайно на кладбищѣ казаки заявили протестъ противъ похоронъ Аснина на Богословскомъ кладбищѣ, а затѣмъ сняли съ могилы крестъ.

Анархисты намѣревались было защищать могилу, но казаки, обнаживъ шашки, остановили ихъ».

Это — разные факты?

Нѣтъ, это только различное освѣщеніе одного и того же факта.

Если вторую замѣтку прочитаетъ человѣкъ, привыкшій думать, онъ, конечно, усомнится кое въ чемъ, — напр. въ водруженіи анархистами креста. Вѣрующаго человѣка оскорбитъ фактъ снятія креста съ могилы. Обыватель еще разъ вздрогнетъ, читая про «обнаженныя шашки».

А сопоставляя замѣтки, естественно спроситъ: — гдѣ же здѣсь правда?

И еще болѣе естественно усомниться въ педагогическомъ значеніи «свободнаго слова» — «чуда средь Божьихъ чудесъ».

А не захлебнемся ли мы въ грязи, которую такъ усердно разводимъ?

14-го іюля.

На всю жизнь останутся въ памяти отвратительныя картины безумія, охватившаго Петроградъ днемъ 4-го іюля.

Вотъ, ощетинясь винтовками и пулеметами, мчится, точно бѣшеная свинья, грузовикъ автомобиль, тѣсно набитый разношерстными представителями «революціонной

арміи», среди нихъ стоитъ встрепанный юноша и оретъ истерически:

— Соціальная революція, товарищи!

Какіе-то люди, еще не успѣвшіе потерять разумъ, безоружные, но спокойные, останавливаютъ гремящее чудовище и разоружаютъ его, выдергивая щетину винтовокъ. Обезоруженные солдаты и матросы смѣшиваются съ толпой, исчезаютъ въ ней; нелѣпая телѣга, опустѣвъ, грузно прыгаетъ по избитой, грязной мостовой и тоже исчезаетъ, точно кошмаръ.

И ясно, что этотъ устрашающій выѣздъ къ «соціальной революціи» затѣянъ кѣмъ-то на-спѣхъ, необдуманно и что — глупость имя силы, которая вытолкнула на улицу вооруженныхъ до зубовъ людей.

Вдругъ гдѣ-то щелкаетъ выстрѣлъ, и сотни людей судорожно разлетаются во всѣ стороны, гонимые страхомъ, какъ сухіе листья вихремъ валятся на землю, сбивая съ ногъ другъ друга, визжатъ и кричатъ.

— Буржуи стрѣляютъ!

Стрѣляли, конечно, не «буржуи», стрѣлялъ не страхъ передъ революціей, а страхъ за революцію. Слишкомъ много у насъ этого страха. Онъ чувствовался всюду — и въ рукахъ солдатъ, лежащихъ на рогаткахъ пулеметовъ, и въ дрожащихъ рукахъ рабочихъ, державшихъ заряженные винтовки и револьверы, со взведенными предохранителями, и въ напряженномъ взглядѣ вытаращенныхъ глазъ. Было ясно, что эти люди не вѣрятъ въ свою силу да едва ли и понимаютъ, зачѣмъ они вышли на улицу съ оружіемъ.

Особенно характерна была картина паники на углу Невскаго и Литейнаго часа въ четыре вечера. Роты двѣ какихъ-то солдатъ и нѣсколько сотенъ публики смиренно стояли около ресторана Палкина и дальше, къ Знаменской площади, и вдругъ, точно силою какого-то злого, ироническаго чародѣя всѣ эти вооруженные и безоружные люди превратились въ оголтѣлое стадо барановъ.

Я не смогъ уловить, что именно вызвало панику и заставило солдатъ стрѣлять въ пятый домъ отъ угла Литейнаго по Невскому, — они начали палить по окнамъ и колоннамъ дома не цѣлясь, съ лихорадочной торопливостью людей, которые боятся, что вотъ сейчасъ у нихъ отнимутъ ружья. Стрѣляло человѣкъ десять, не болѣе, а остальные, побросавъ винтовки и знамена на мостовую, начали вмѣстѣ съ публикой ломиться во всѣ двери и окна, выбивая стекла, ломая двери, образуя на тротуарѣ кучи мяса, обезумѣвшаго отъ страха.

По мостовой, среди разбросанныхъ винтовокъ бѣгала дѣвочка подростокъ и кричала:

— Да это свои стрѣляютъ, свои же!

Я поставилъ ее за столбъ трамвая, она возмущенно сказала:

— Кричите, что свои...

Но всѣ уже исчезли, убѣжавъ на Литейный, Владимірскій, забившись въ проломанныя ими щели, а на мостовой валяются винтовки, шляпы, фуражки, и грязные торцы покрыты красными полотнищами знаменъ.

Я не впервые видѣлъ панику толпы, это всегда противно, но — никогда не испытывалъ я такого удручающаго, убійственнаго впечатлѣнія.

Вотъ это и есть тотъ самый «свободный», русскій народъ, который за часъ передъ тѣмъ, какъ испугаться самого себя, «отрекался отъ стараго міра» и отрясалъ «его прахъ» съ ногъ своихъ? Это солдаты революціонной арміи разбѣжались отъ своихъ же пуль, побросавъ винтовки и прижимаясь къ тротуару?

Этотъ народъ долженъ много потрудиться для того, чтобы пріобрѣсти сознаніе своей личности, своего человѣческаго достоинства, этотъ народъ долженъ быть прокаленъ и очищенъ отъ рабства, вкормленнаго въ немъ, медленнымъ огнемъ культуры.

Опять культура? Да, снова культура. Я не знаю ничего иного, что можетъ спасти нашу страну отъ гибели.

И я увѣренъ, что если бъ та часть интеллигенціи, которая убоясь отвѣтственности, избѣгая опасностей, попряталась гдѣ-то и бездѣльничаетъ, услаждаясь критикой происходящаго, если бъ эта интеллигенція съ первыхъ же дней свободы, попыталась ввести въ хаосъ возбужденныхъ инстинктовъ иныя начала, попробовала возбудить чувства иного порядка, — мы всѣ не пережили бы множества тѣхъ гадостей, которыя переживаемъ. Если революція не способна тотчасъ же развить въ странѣ напряженное культурное строительство, — тогда, съ моей точки зрѣнія, революція безплодна, не имѣетъ смысла, а мы — народъ неспособный къ жизни.

Прочитавъ вышеизложенное различные безстыдники конечно не преминутъ радостно завопить:

— А о роли ленинцевъ въ событіяхъ 4 іюля — ни слова не сказано, ага! Вотъ оно гдѣ, лицемѣріе!

Я — не сыщикъ, я не знаю кто изъ людей наиболѣе повиненъ въ мерзостной драмѣ. Я не намѣренъ оправдывать авантюристовъ, мнѣ нѣнавистны и противны люди, возбуждающіе темные инстинкты массъ, какіе бы имена эти люди не носили и какъ бы не были солидны въ прошломъ ихъ заслуги предъ Россіей. Я думаю, что иностранная провокація событій 4 іюля — дѣло возможное, но я долженъ сказать, что и злая радость, обнаруженная нѣкоторыми людьми послѣ событій 4-го — тоже крайне подозрительна. Есть люди, которые такъ много говорятъ о свободѣ, о революціи и о своей любви къ нимъ, что рѣчи ихъ часто напоминаютъ сладкія рѣчи купцовъ, желающихъ продать товаръ возможно выгоднѣе.

Однако главнѣйшимъ возбудителемъ драмы я считаю не «ленинцевъ», не нѣмцевъ, не провокаторовъ и темныхъ контръ-революціонеровъ, а — болѣе злого, болѣе сильнаго врага — тяжкую россійскую глупость.

Въ драмѣ 4-го іюля больше всѣхъ другихъ силъ, создавшихъ драму, виновата именно наша глупость, назовите

ее некультурностью, отсутствіемъ историческаго чутья, — какъ хотите.

19-го іюля.

Три года безжалостной, безсмысленной бойни, три года изо дня въ день проливается кровь лучшихъ племенъ земли, истребляется драгоцѣннѣйшій мозгъ культурныхъ націй Европы.

Обезкровлена Франція, «вождь человѣчества», истощается Италія, «лучшій даръ Бога нашей печальной землѣ», напрягаетъ всѣ свои силы Англія, «спокойно поучающая міръ чудесамъ труда», угрюмо задыхаются въ желѣзныхъ тискахъ войны «трудолюбивыя племена Германіи».

Уничтожены Бельгія, Сербія, Румынія, Польша; разорена экономически, развращена войною духовно мечтательная, мягкотѣлая Русь, — страна, еще не жившая, не успѣвшая показать міру свои скрытыя силы.

Въ XX-мъ вѣкѣ, послѣ того, какъ девятнадцать вѣковъ Европа проповѣдывала человѣчность въ церквахъ, которыя она теперь разрушаетъ пушками, въ книгахъ, которыя солдаты жгутъ, какъ дрова, — въ XX-мъ вѣкѣ гуманизмъ забытъ, осмѣянъ, а все, что создано безкорыстной работой науки, схвачено и направлено волею безстыдныхъ убійцъ на истребленіе людей.

Что, въ сравненіи съ этой кошмарной, трехлѣтней бойней тридцатилѣтнія и столѣтнія войны прошлаго? Гдѣ найдемъ мы оправданіе этому небывалому преступленію противъ планетарной культуры?

Этому отвратительному самоистребленію нѣтъ оправданія. Сколько бы ни лгали лицемѣры о «великихъ» цѣляхъ войны, ихъ ложь не скроетъ страшной и позорной правды: войну родилъ Барышъ, единственный изъ боговъ, которому вѣрятъ и молятся «реальные политики», убійцы, торгующіе жизнью народа.

Людей, которые вѣрятъ въ торжество идеала всемірнаго братства, негодяи всѣхъ странъ объявили вредными

безумцами, безсердечными мечтателями, у которыхъ нѣтъ любви къ родинѣ.

Забыто, что среди этихъ мечтателей Христосъ, Іоаннъ Дамаскинъ, Францискъ Ассизскій, Левъ Толстой, — десятки полубоговъ, полулюдей, которыми гордится человѣчество. Для тѣхъ, кто уничтожаетъ милліоны жизней, чтобы захватить въ свои руки нѣсколько сотенъ верстъ чужой земли, — для нихъ нѣтъ ни бога, ни дьявола. Народъ для нихъ — дешевле камня, любовь къ родинѣ — рядъ привычекъ. Они любятъ жить такъ, какъ живутъ, и пусть вся земля разлетится прахомъ во вселенной, — они не хотятъ жить иначе, какъ привыкли.

Вотъ они уже три года живутъ по горло въ крови, которую проливаютъ по ихъ волѣ десятки милліоновъ людей.

Но когда истощатся силы народныхъ массъ или когда единодушно вспыхнетъ ихъ воля «къ жизни чистой, человѣческой» и прекратитъ кровавый кошмаръ, — люди, истребляющіе народъ Европы, трусливо закричатъ:

— Это не наша вина! Не мы изуродовали міръ, не мы разрушили и разграбили Европу!

Но мы надѣемся, что къ той порѣ «гласъ народа» воистину будетъ строгимъ и справедливымъ «Гласомъ Божіимъ» и онъ заглушитъ вопли лжи.

Вѣрующіе въ побѣду надъ безстыдствомъ и безуміемъ должны стремиться къ единенію своихъ силъ.

Въ концѣ концовъ — побѣждаетъ разумъ.

20-го іюля.

Присяжный повѣренный, одинъ изъ тѣхъ, которые при старомъ режимѣ, спокойно рискуя личной свободой, не думая о карьерѣ, мужественно выступали защитниками въ политическихъ процессахъ и нанесли самодержавію не мало ударовъ, — человѣкъ, прекрасно знающій глубину безправія и цинизма монархіи, говорилъ мнѣ на дняхъ:

— «Такъ же, какъ при Николаѣ Романовѣ, я выступаю защитникомъ въ наскоро сдѣланномъ политическомъ про-

цессѣ: такъ же, какъ тогда ко мнѣ приходятъ плакать и жаловаться матери, жены, сестры заключенныхъ; какъ прежде — аресты совершаются «по щучьему велѣнью», арестованныхъ держатъ въ отвратительныхъ условіяхъ, чиновники «новаго строя» относятся къ подслѣдственному такъ же бюрократически-безсердечно, какъ относились прежде. Мнѣ кажется, что въ моей области нѣтъ измѣненій къ лучшему».

А я думаю, что въ этой области слѣдуетъ ожидать всѣхъ возможныхъ измѣненій къ худшему. При монархіи покорные слуги Романова иногда не отказывали себѣ въ удовольствіи полиберальничать, покритиковать режимъ, поныть на тему о гуманизмѣ и вообще немножко порисоваться благодушіемъ, показать невольному собесѣднику, что и въ сердцѣ заядлаго чиновника не всѣ добрыя начала истреблены усердной работой по охранѣ гнилья и мусора.

Наиболѣе умные, вѣроятно, понимали, что «политикъ» человѣкъ, въ сущности и для нихъ не вредный, — работая надъ освобожденіемъ Россіи, онъ работалъ и надъ освобожденіемъ чиновника отъ хамоватой «верховной власти».

Теперь самодержавія нѣтъ и можно показать всю «красоту души», освобожденной изъ плѣна строгихъ циркуляровъ.

Теперь чиновникъ стараго режима, кадетъ или октябристъ, встаетъ предъ арестованнымъ демократомъ какъ его органическій врагъ, либеральная маниловщина — никому не нужна и не умѣстна.

Съ точки зрѣнія интересовъ партій и политической борьбы все это вполнѣ естественно, а «по человѣчеству» — гнусно и будетъ еще гнуснѣй по мѣрѣ неизбѣжнаго обострѣнія отношеній между демократіей и врагами ея.

* * *

Въ одной изъ грязненькихъ уличныхъ газетъ нѣкто напечаталъ свои впечатлѣнія отъ поѣздки въ Царское Село. Въ малограмотной статейкѣ, предназначенной на потѣху

улицы и разсказывающей о томъ, какъ Николай Романовъ пилитъ дрова, какъ его дочери работаютъ въ огородѣ, — есть такое мѣсто:

Матросъ подвозитъ въ качалкѣ Александру Федоровну. Она похудѣвшая, осунувшаяся, во всемъ черномъ. Медленно съ помощью дочерей выходитъ изъ качалки и идетъ, сильно прихрамывая на лѣвую ногу...

— Вишь, заболѣла — замѣчаетъ кто-то изъ толпы: — Обезножила...

— Гришку бы ей сюда, — хихикаетъ кто-то въ толпѣ: — Живо бы поздоровѣла.

Звучитъ оглушительный хохотъ.

Хохотать надъ больнымъ и несчастнымъ человѣкомъ — кто бъ онъ ни былъ — занятіе хамское и подленькое. Хохочутъ русскіе люди, тѣ самые, которые пять мѣсяцевъ тому назадъ относились къ Романовымъ со страхомъ и трепетомъ, хотя и понимали — смутно — ихъ роль въ Россіи.

Но — дѣло не въ томъ, что веселые люди хохочутъ надъ несчастіемъ женщины, а въ томъ, что статейка подписана еврейскимъ именемъ Іос. Хейсинъ.

Я считаю нужнымъ напомнить г. Хейсину нѣсколько строкъ изъ статьи профессора Бодуэна де Куртенэ въ сборникѣ «Щитъ»:

«Утащили въ вагонѣ чемоданъ. Воръ оказался полякомъ. Но не сказали, что укралъ «полякъ», а только, что укралъ «воръ».

Другой разъ похитителемъ оказался русскій. И на этотъ разъ обличили въ кражѣ не русскаго, а просто — «вора».

Но если бъ чемоданъ оказался въ рукахъ еврея, — было бы сказано, что «укралъ еврей», а не просто «воръ».

Полагаю, что мораль должна быть понятна Хейсину и подобнымъ ему «бытописателямъ», — напр. Давиду Айзману и т. д. — вѣдь по поводу ихъ сочиненій тоже могутъ сказать, что это пишутъ не просто до оглупѣнія обозленные люди, а — «евреи».

Едва ли найдется человѣкъ, настолько безтолковый, чтобъ по поводу сказаннаго заподозрить меня въ антисемитизмѣ.

Я считаю нужнымъ, — по условіямъ времени, — указать, что нигдѣ не требуется столько такта и моральнаго чутья, какъ въ отношеніи русскаго къ еврею и еврея къ явленіямъ русской жизни.

Отнюдь не значитъ, что на Руси есть факты, которыхъ не долженъ критически касаться татаринъ или еврей, но — обязательно помнить, что даже невольная ошибка, — не говоря уже о сознательной гадости, хотя бы она была сдѣлана изъ искренняго желанія угодить инстинктамъ улицы, — можетъ быть истолкована во вредъ не только одному злому или глупому еврею, но — всему еврейству.

Не надо забывать этого, если живешь среди людей, которые могутъ хохотать надъ больнымъ и несчастнымъ человѣкомъ.

18-го октября.

Все настойчивѣе распространяются слухи о томъ, что 20-го октября предстоитъ «выступленіе большевиковъ» — иными словами: могутъ быть повторены отвратительныя сцены 3—5 іюля. Значитъ — снова грузовые автомобили, тѣсно набитые людьми съ винтовками и револьверами въ дрожащихъ отъ страха рукахъ, и эти винтовки будутъ стрѣлять въ стекла магазиновъ, въ людей — куда попало! Будутъ стрѣлять только потому, что люди, вооруженные ими, захотятъ убить свой страхъ. Вспыхнутъ и начнутъ чадить, отравляя злобой, ненавистью, местью всѣ темные инстинкты толпы, раздраженной разрухою жизни, ложью и грязью политики — люди будутъ убивать другъ друга, не умѣя уничтожить своей звѣриной глупости.

На улицу выползетъ неорганизованная толпа, плохо понимающая, чего она хочетъ, и, прикрываясь ею, авантюристы, воры, профессіональные убійцы начнутъ «творить исторію русской революціи».

Однимъ словомъ — повторится та кровавая, безсмысленная бойня, которую мы уже видѣли и которая подорвала во всей странѣ моральное значеніе революціи, пошатнула ея культурный смыслъ.

Весьма вѣроятно, что на сей разъ событія примутъ еще болѣе кровавый и погромный характеръ, нанесутъ еще болѣе тяжкій ударъ революціи.

Кому и для чего нужно все это? Центральный Комитетъ с.-д. большевиковъ, очевидно, не принимаетъ участія въ предполагаемой авантюрѣ, ибо до сего дня онъ ничѣмъ не подтвердилъ слуховъ о предстоящемъ выступленіи, хотя и не опровергаетъ ихъ.

Умѣстно спросить: неужели есть авантюристы, которые, видя упадокъ революціонной энергіи сознательной части пролетаріата, думаютъ возбудить эту энергію путемъ обильнаго кровопусканія?

Или эти авантюристы желаютъ ускорить ударъ контръ-революціи и ради этой цѣли стремятся дезорганизовать съ трудомъ организуемыя силы?

Центральный комитетъ большевиковъ обязанъ опровергнуть слухи о выступленіи 20-го, онъ долженъ сдѣлать это, если онъ дѣйствительно является сильнымъ и свободно дѣйствующимъ политическимъ органомъ, способнымъ управлять массами, а не безвольной игрушкой настроеній одичавшей толпы, не орудіемъ въ рукахъ безстыднѣйшихъ авантюристовъ или обезумѣвшихъ фанатиковъ.

7-го ноября.

Министры соціалисты, выпущенные изъ Петропавловской крѣпости Ленинымъ и Троцкимъ, разъѣхались по домамъ, оставивъ своихъ товарищей Л. В. Бернацкаго, А. П. Коновалова, М. И. Терещенко и другихъ во власти людей, не имѣющихъ никакого представленія о свободѣ личности, о правахъ человѣка.

Ленинъ, Троцкій и сопутствующіе имъ уже отравились гнилымъ ядомъ власти, о чемъ свидѣтельствуетъ ихъ позорное отношеніе къ свободѣ слова, личности и ко всей суммѣ тѣхъ правъ, за торжество которыхъ боролась демократія.

Слѣпые фанатики и безсовѣстные авантюристы сломя голову мчатся, якобы по пути къ «соціальной революціи» — на самомъ дѣлѣ это путь къ анархіи, къ гибели пролетаріата и революціи.

На этомъ пути Ленинъ и соратники его считаютъ возможнымъ совершать всѣ преступленія, вродѣ бойни подъ Петербургомъ, разгрома Москвы, уничтоженія свободы слова, безсмысленныхъ арестовъ — всѣ мерзости, которыя дѣлали Плеве и Столыпинъ.

Конечно — Столыпинъ и Плеве шли противъ демократіи, противъ всего живого и честнаго въ Россіи, а за Ленинымъ идетъ довольно значительная — пока — часть рабочихъ, но я вѣрю, что разумъ рабочаго класса, его сознаніе своихъ историческихъ задачъ скоро откроетъ пролетаріату глаза на всю несбыточность обѣщаній Ленина, на всю глубину его безумія и его Нечаевско-Бакунинскій анархизмъ.

Рабочій классъ не можетъ не понять, что Ленинъ на его шкурѣ, на его крови производитъ только нѣкій опытъ, стремится довести революціонное настроеніе пролетаріата до послѣдней крайности и посмотрѣть — что изъ этого выйдетъ?

Конечно, онъ не вѣритъ въ возможность побѣды пролетаріата въ Россіи при данныхъ условіяхъ, но, можетъ быть, онъ надѣется на чудо.

Рабочій классъ долженъ знать, что чудесъ въ дѣйствительности не бываетъ, что его ждетъ голодъ, полное разстройство промышленности, разгромъ транспорта, длительная кровавая анархія, а за нею — не менѣе кровавая и мрачная реакція.

Вотъ куда ведетъ пролетаріатъ его сегодняшній вождь, и надо понять, что Ленинъ не всемогущій чародѣй, а хладнокровный фокусникъ, не жалѣющій ни чести, ни жизни пролетаріата.

Рабочіе не должны позволять авантюристамъ и безумцамъ взваливать на голову пролетаріата позорныя, безсмысленныя и кровавыя преступленія, за которыя расплачиваться будетъ не Ленинъ, а самъ-же пролетаріатъ.

Я спрашиваю:

Помнитъ ли русская демократія — за торжество какихъ идей она боролась съ деспотизмомъ монархіи?

Считаетъ ли она себя способной и нынѣ продолжать эту борьбу?

Помнитъ ли она, что когда жандармы Романовыхъ бросали въ тюрьмы и въ каторгу ея идейныхъ вождей — она называла этотъ пріемъ борьбы подлымъ?

Чѣмъ отличается отношеніе Ленина къ свободѣ слова отъ такого же отношенія Столыпиныхъ, Плеве и прочихъ полулюдей?

Не такъ же ли Ленинская власть хватаетъ и тащитъ въ тюрьму всѣхъ несогласномыслящихъ, какъ это дѣлала власть Романовыхъ?

Почему Бернацкій, Коноваловъ и другіе члены коалиціоннаго правительства сидятъ въ крѣпости, — развѣ они въ чемъ-то преступнѣе своихъ товарищей соціалистовъ, освобожденныхъ Ленинымъ?

Единственнымъ честнымъ отвѣтомъ на эти вопросы должно быть немедленное требованіе освободить министровъ и другихъ безвинно арестованныхъ, а также возстановить свободу слова во всей ея полнотѣ.

Затѣмъ разумные элементы демократіи должны сдѣлать дальнѣйшіе выводы, — должны рѣшить, по пути ли имъ съ заговорщиками и анархистами Нечаевскаго типа?

10-го ноября.

Владиміръ Ленинъ вводитъ въ Россіи соціалистическій строй по методу Нечаева — «на всѣхъ парахъ черезъ болото».

И Ленинъ, и Троцкій, и всѣ другіе, кто сопровождаетъ ихъ къ погибели въ трясинѣ дѣйствительности, очевидно убѣждены вмѣстѣ съ Нечаевымъ, что «правомъ на безчестье всего легче русскаго человѣка за собой увлечь можно», и вотъ они хладнокровно безчестятъ революцію, безчестятъ рабочій классъ, заставляя его устраивать кровавыя бойни, понукая къ погромамъ, къ арестамъ ни въ чемъ неповинныхъ людей, вродѣ А. В. Карташова, М. В. Бернацкаго, А. И. Коновалова и другихъ.

Заставивъ пролетаріатъ согласиться на уничтоженіе свободы печати, Ленинъ и приспѣшники его узаконили этимъ для враговъ демократіи право зажимать ей ротъ: грозя голодомъ и погромами всѣмъ, кто не согласенъ съ деспотизмомъ Ленина-Троцкаго, эти «вожди» оправдываютъ деспотизмъ власти, противъ котораго такъ мучительно долго боролись всѣ лучшія силы страны.

«Послушаніе школьниковъ и дурачковъ», идущихъ вмѣстѣ за Ленинымъ и Троцкимъ, «достигло высшей черты», — ругая своихъ вождей заглазно, то уходя отъ нихъ, то снова присоединяясь къ нимъ, школьники и дурачки, въ концѣ концовъ, покорно служатъ волѣ догматиковъ и все болѣе возбуждаютъ въ наиболѣе темной массѣ солдатъ и рабочихъ несбыточныя надежды на безпечальное житіе.

Вообразивъ себя Наполеонами отъ соціализма, ленинцы рвутъ и мечутъ, довершая разрушеніе Россіи — русскій народъ заплатитъ за это озерами крови.

Самъ Ленинъ, конечно, человѣкъ исключительной силы; двадцать пять лѣтъ онъ стоялъ въ первыхъ рядахъ борцовъ за торжество соціализма, онъ является одною изъ наиболѣе крупныхъ и яркихъ фигуръ международной соціалъ-демократіи; человѣкъ талантливый, онъ обладаетъ всѣми свойствами «вождя», а также и необходимымъ для

этой роли отсутствіемъ морали и чисто барскимъ, безжалостнымъ отношеніемъ къ жизни народныхъ массъ.

Ленинъ «вождь» и — русскій баринъ, не чуждый нѣкоторыхъ душевныхъ свойствъ этого ушедшаго въ небытіе сословія, а потому онъ считаетъ себя вправѣ продѣлать съ русскимъ народомъ жестокій опытъ, заранѣе обреченный на неудачу.

Измученный и разоренный войною народъ уже заплатилъ за этотъ опытъ тысячами жизней и принужденъ будетъ заплатить десятками тысячъ, что надолго обезглавитъ его.

Эта неизбѣжная трагедія не смущаетъ Ленина, раба догмы, и его приспѣшниковъ — его рабовъ. Жизнь, во всей ея сложности, не вѣдома Ленину, онъ не знаетъ народной массы, не жилъ съ ней, но онъ — по книжкамъ — узналъ, чѣмъ можно поднять эту массу на дыбы, чѣмъ всего легче — разъярить ея инстинкты. Рабочій классъ для Ленинныхъ то же, что для металлиста руда. Возможно ли — при всѣхъ данныхъ условіяхъ — отлить изъ этой руды соціалистическое государство? Повидимому — невозможно; однако — отчего не попробовать? Чѣмъ рискуетъ Ленинъ, если опытъ не удастся?

Онъ работаетъ какъ химикъ въ лабораторіи, съ тою разницей, что химикъ пользуется мертвой матеріей, но его работа даетъ цѣнный для жизни результатъ, а Ленинъ работаетъ надъ живымъ матеріаломъ и ведетъ къ гибели революцію. Сознательные рабочіе, идущіе за Ленинымъ, должны понять, что съ русскимъ рабочимъ классомъ продѣлывается безжалостный опытъ, который уничтожитъ лучшія силы рабочихъ и надолго остановитъ нормальное развитіе русской революціи.

11-го ноября.

Извѣстный русскій изслѣдователь племенъ Судана — Юнкеръ, говорилъ:

«Жалкіе дикари съ ужасомъ отворачиваются отъ человѣческаго мяса, тогда какъ народы, достигшіе сравни-

тельно значительнаго уровня культуры, впадаютъ въ людоѣдство».

Мы, русскіе, несомнѣнно достигли «сравнительно значительнаго уровня культуры», — объ этомъ лучше всего свидѣтельствуетъ та жадность, съ которой мы стремились и стремимся пожрать племена, политически враждебныя намъ.

Едва ли не съ первыхъ дней революціи извѣстная часть печати съ яростью людоѣдовъ племени «нямъ-нямъ» набросилась на демократію и стала изо дня въ день грызть головы солдатъ, крестьянъ, рабочихъ, свирѣпо обличая ихъ въ пристрастіи къ «сѣмячкамъ», въ отсутствіи у нихъ чувства любви къ родинѣ, сознанія личной отвѣтственности за судьбы Россіи и во всѣхъ смертныхъ грѣхахъ. Никто не станетъ отрицать, что лѣнь, сѣмячки, соціальная тупость народа и все прочее, въ чемъ упрекали его, — горькая правда, но — слѣдовало «то же бы слово, да не такъ бы молвить». И слѣдуетъ помнить, что вообще народъ не можетъ быть лучше того, каковъ онъ есть, ибо о томъ, чтобы онъ былъ лучше — заботились мало.

Худосочное, истерическое раздраженіе, замѣняющее у насъ «священный гнѣвъ», пользовалось всѣмъ лексикономъ оскорбительныхъ словъ и не считалось съ послѣдствіями, какія эти слова должны были неизбѣжно вызвать въ сердцахъ судимыхъ людей.

Казалось бы, что «культурные» руководители извѣстныхъ органовъ печати должны были понимать, какой превосходной помощью авантюристамъ служитъ яростное поношеніе демократіи, какъ хорошо помогаетъ это демагогамъ въ ихъ стремленіи овладѣть психологіей массъ.

Это простое соображеніе не пришло въ головы мудрыхъ политиковъ, и если нынѣ мы видимъ предъ собою людей, совершенно утратившихъ человѣческій обликъ, — половину вины за это мрачное явленіе обязаны взять на себя тѣ почтенные граждане, которые пытались привить людямъ культурныя чувства и мысли путемъ словесныхъ зуботычинъ и бичей.

Объ этомъ поздно говорить? Нѣтъ, не поздно. Горло печати ненадолго зажато «новой» властью, которая такъ позорно пользуется старыми пріемами удушенія свободы слова. Скоро газеты снова заговорятъ, и конечно онѣ должны будутъ сказать все, что необходимо знать всѣмъ намъ въ стыдъ и въ поученіе наше.

Но если мы, парадируя другъ передъ другомъ въ плохонькихъ ризахъ безсильнаго гнѣва и злобненькой мести, снова будемъ продолжать ядовитую работу возбужденія злыхъ началъ и темныхъ чувствъ — мы должны заранѣе признать, что беремъ на себя отвѣтственность за все, чѣмъ откликнется народъ на оскорбленія, бросаемыя въ слѣдъ ему.

Озлобленіе — неизбѣжно, однако — въ нашей волѣ сдѣлать его не столь отвратительнымъ. Даже въ кулачной дракѣ есть свои законы приличія. Я знаю, — смѣшно говорить на Святой Руси о рыцарскомъ чувствѣ уваженія ко врагу, но я думаю, что будетъ очень полезно придать нашему худосочному гнѣву болѣе приличныя словесныя формы.

Пусть каждый предоставитъ врагу своему право быть хуже его, и тогда наши словесныя битвы пріобрѣтутъ больше силы, убѣдительности, даже красоты.

Откровенно говоря — я хотѣлъ бы сказать:

— Будьте человѣчнѣе въ эти дни всеобщаго озвѣрѣнія!

Но я знаю, что нѣтъ сердца, которое приняло бы эти слова. Ну, такъ будемъ хоть болѣе тактичными и сдержанными, выражая свои мысли и ощущенія; не надо забывать, что — въ концѣ концовъ, — народъ учится у насъ злости и ненависти...

12-го ноября.

Меня уже упрекаютъ въ томъ, что «послѣ двадцатилѣтняго служенія демократіи» я «снялъ маску» и измѣнилъ уже своему народу.

Г. г. большевики имѣютъ законное право опредѣлять мое поведеніе такъ, какъ имъ угодно, но я долженъ напо-

мнить этимъ господамъ, что превосходныя душевныя качества русскаго народа никогда не ослѣпляли меня, я не преклонялъ колѣнъ предъ демократіей, и она не является для меня чѣмъ то настолько священнымъ, что совершенно недоступно критикѣ и осужденію.

Въ 1911 году, въ статьѣ о «Писателяхъ-самоучкахъ» я говорилъ: «Мерзости надо обличать, и если нашъ мужикъ — звѣрь, надо сказать это: а если рабочій говоритъ:

Я пролетарій! — тѣмъ же отвратительнымъ тономъ человѣка касты, какимъ дворянинъ говоритъ:

Я дворянинъ! — надо этого рабочаго нещадно осмѣять».

Теперь, когда извѣстная часть рабочей массы, возбужденная обезумѣвшими владыками ея воли, проявляетъ духъ и пріемы касты, дѣйствуя насиліемъ и терроромъ, — тѣмъ насиліемъ, противъ котораго такъ мужественно и длительно боролись ея лучшіе вожди, ея сознательные товарищи, — теперь я, разумѣется, не могу идти въ рядахъ этой части рабочаго класса.

Я нахожу, что заткнуть кулакомъ ротъ «Рѣчи» и другихъ буржуазныхъ газетъ только потому, что онѣ враждебны демократіи — это позорно для демократіи.

Развѣ демократія чувствуетъ себя не правой въ своихъ дѣяніяхъ и — боится критики враговъ? Развѣ кадеты настолько идейно-сильны, что побѣдить ихъ можно только лишь путемъ физическаго насилія?

Лишеніе свободы печати — физическое насиліе, и это не достойно демократіи.

Держать въ тюрьмѣ старика революціонера Бурцева, человѣка, который нанесъ монархіи не мало мощныхъ ударовъ, держать его въ тюрьмѣ только за то, что онъ увлекается своей ролью ассенизатора политическихъ партій — это позоръ для демократіи. Держать въ тюрьмѣ такихъ честныхъ людей, какъ А. В. Карташовъ, такихъ талантливыхъ работниковъ, какъ М. В. Бернацкій, и культурныхъ дѣятелей, каковъ А. И. Коноваловъ, не мало сдѣлавшій добраго для своихъ рабочихъ, — это позорно для демократіи.

Пугать терроромъ и погромами людей, которые не желаютъ участвовать въ бѣшеной пляскѣ г. Троцкаго надъ развалинами Россіи — это позорно и преступно.

Все это не нужно и только усилитъ ненависть къ рабочему классу. Онъ долженъ будетъ заплатить за ошибки и преступленія своихъ вождей — тысячами жизней, потоками крови.

19-го ноября.

Въ «Правдѣ» напечатано:

«Горькій заговорилъ языкомъ враговъ рабочаго класса».

Это — не правда. Обращаясь къ наиболѣе сознательнымъ представителямъ рабочаго класса, я говорю:

Фанатики и легкомысленные фантазеры, возбудивъ въ рабочей массѣ надежды, неосуществимыя при данныхъ историческихъ условіяхъ, увлекаютъ русскій пролетаріатъ къ разгрому и гибели, а разгромъ пролетаріата вызоветъ въ Россіи длительную и мрачнѣйшую реакцію.

Далѣе въ «Правдѣ» напечатано:

Всякая революція, въ процессѣ своего поступательнаго развитія, неизбѣжно включаетъ и рядъ отрицательныхъ явленій, которыя неизбѣжно связаны съ ломкой стараго, тысячелѣтняго государственнаго уклада. Молодой богатырь, творя новую жизнь, задѣваетъ своими мускулистыми руками чужое ветхое благополучіе, и мѣщане, какъ разъ тѣ, о которыхъ писалъ Горькій, начинаютъ вопить о гибели Русскаго государства и культуры.

Я не могу считать «неизбѣжными» такіе факты, какъ расхищеніе національнаго имущества въ Зимнемъ, Гатчинскомъ и другихъ дворцахъ. Я не понимаю, — какую связь съ «ломкой тысячелѣтняго государственнаго уклада» имѣетъ разгромъ Малаго театра въ Москвѣ и воровство въ уборной знаменитой артистки нашей, М. Н. Ермоловой?

Не желая перечислять извѣстные акты безсмысленныхъ погромовъ и грабежей, я утверждаю, что отвѣтственность за этотъ позоръ, творимый хулиганами, падаетъ и на про-

летаріатъ, очевидно безсильный истребить хулиганство въ своей средѣ.

Далѣе: «молодой богатырь, творя новую жизнь», дѣлаетъ все болѣе невозможнымъ книгопечатаніе, ибо есть типографіи, гдѣ наборщики вырабатываютъ только 38% дѣтской нормы, установленной союзомъ печатниковъ.

Пролетаріатъ, являясь количественно слабосильнымъ среди стомилліоннаго деревенскаго полуграмотнаго населенія Россіи, долженъ понимать, какъ важно для него возможное удешевленіе книги и расширеніе книгопечатанія. Онъ этого не понимаетъ на свою бѣду.

Онъ долженъ также понимать, что сидитъ на штыкахъ, а это — какъ извѣстно — не очень прочный тронъ.

И вообще — «отрицательныхъ явленій» много, — а гдѣ же положительныя? Они не замѣтны, если не считать «декретовъ» Ленина и Троцкаго, но я сомнѣваюсь, чтобъ пролетаріатъ принималъ сознательное участіе въ творчествѣ этихъ «декретовъ». Нѣтъ, если бы пролетаріатъ вполнѣ сознательно относился къ этому бумажному творчеству, — оно было бы невозможнымъ, въ томъ видѣ, въ какомъ дано.

Статья въ «Правдѣ» заключается нижеслѣдующимъ лирическимъ вопросомъ:

> Когда на свѣтломъ праздникѣ народовъ въ одномъ братскомъ порывѣ сольются прежніе невольные враги, на этомъ пиршествѣ мира будетъ ли желаннымъ гостемъ Горькій, такъ поспѣшно ушедшій изъ рядовъ подлинной революціонной демократіи?

Разумѣется ни авторъ статьи, ни я не доживемъ до «свѣтлаго праздника» — далеко до него, пройдутъ десятилѣтія упорной, будничной, культурной работы для созданія этого праздника,

А на праздникѣ, гдѣ будетъ торжествовать свою легкую побѣду деспотизмъ полуграмотной массы и, какъ раньше, какъ всегда — личность человѣка останется угнетенной, — мнѣ на этомъ «праздникѣ» дѣлать нечего и для меня это — не праздникъ.

Въ чьихъ бы рукахъ ни была власть, — за мною остается мое человѣческое право отнестись къ ней критически.

И я особенно подозрительно, особенно недовѣрчиво отношусь къ русскому человѣку у власти, — недавній рабъ, онъ становится самымъ разнузданнымъ деспотомъ, какъ только пріобрѣтаетъ возможность быть владыкой ближняго своего.

6-го декабря.

Затративъ огромное количество энергіи, рабочій классъ создалъ свою интеллигенцію — маленькихъ Бебелей, которымъ принадлежитъ роль истинныхъ вождей рабочаго класса, искреннихъ выразителей его матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ.

Даже въ тяжкихъ условіяхъ полицейскаго государства, рабочая интеллигенція, не щадя себя, ежедневно рискуя своей свободой, умѣла съ честью и успѣхомъ бороться за торжество своихъ идей, неуклонно внося въ темную рабочую массу свѣтъ соціальнаго самосознанія, указывая ей пути къ свободѣ и культурѣ.

Когда нибудь безпристрастный голосъ исторіи разскажетъ міру о томъ, какъ велика, героична и успѣшна была работа пролетарской интеллигенціи за время съ начала 90-хъ годовъ до начала войны.

Окаянная война истребила десятки тысячъ лучшихъ рабочихъ, замѣнивъ ихъ у станковъ людьми, которые шли работать «на оборону» для того, чтобъ избѣжать воинской повинности. Все это люди, чуждые пролетарской психологіи, политически не развитые, безсознательные и лишенные естественнаго для пролетарія тяготѣнія къ творчеству новой культуры, — они озабочены только мѣщанскимъ желаніемъ устроить свое личное благополучіе какъ можно скорѣй и во что бы то ни стало. Это люди, органически неспособные принять и воплощать въ жизнь идеи чистаго соціализма.

И вотъ остатокъ рабочей интеллигенціи, неистребленный войною и междоусобицей, очутился въ тѣсномъ окруженіи массы, людей психологически чужихъ, людей, которые говорятъ на языкѣ пролетарія, но не умѣютъ чувствовать по пролетарски, людей, чьи настроенія, желанія и дѣйствія обрекаютъ лучшій, верхній слой рабочаго класса на позоръ и уничтоженіе.

Раздраженные инстинкты этой темной массы нашли выразителей своего зоологическаго анархизма, и эти вожди взбунтовавшихся мѣщанъ нынѣ, какъ мы видимъ, проводятъ въ жизнь нищенскія идеи Прудона, но не Маркса, развиваютъ Пугачевщину, а не соціализмъ и всячески пропагандируютъ всеобщее равненіе на моральную и матеріальную бѣдность.

Говорить объ этомъ — тяжело и больно, но необходимо говорить, потому что за всѣ грѣхи и безобразія, творимыя силой, чуждой сознательному пролетаріату, — отвѣчать будетъ именно онъ.

Недавно представители одного изъ мѣстныхъ заводскихъ комитетовъ сказали директору завода о своихъ же рабочихъ:

— Удивляемся, какъ вы могли ладить съ этой безумной шайкой!

Есть заводы, на которыхъ рабочіе начинаютъ растаскивать и продавать мѣдныя части машинъ, есть очень много фактовъ, которые свидѣтельствуютъ о самой дикой анархіи среди рабочей массы. Я знаю, что есть явленія и другого порядка: напримѣръ на одномъ заводѣ рабочіе выкупили матеріалъ для работъ, употребивъ на это свой заработокъ. Но факты этого рода считаются единицами, фактовъ противоположнаго характера — сотни.

«Новый» рабочій — человѣкъ, чуждый промышленности и не понимающій ея культурнаго значенія въ нашей мужицкой сторонѣ. Я увѣренъ, что сознательный рабочій не можетъ сочувствовать фактамъ такого рода, какъ арестъ Софьи Владиміровны Паниной. Въ ея «Народномъ домѣ»

на Лиговкѣ учились думать и чувствовать сотни пролетаріевъ, точно такъ же, какъ и въ Нижегородскомъ «Народномъ домѣ», построенномъ при ея помощи. Вся жизнь этого просвѣщеннаго человѣка была посвящена культурной дѣятельности среди рабочихъ. И вотъ она сидитъ въ тюрьмѣ. Еще Тургеневъ указалъ, что благодарность никогда не встрѣчается съ добрымъ дѣломъ, и не о благодарности я говорю, а о томъ, что надо умѣть оцѣнивать полезный трудъ.

Рабочая интеллигенція должна обладать этимъ умѣньемъ.

Бывшій министръ А. И. Коноваловъ, человѣкъ безукоризненно честный, выстроилъ у себя на фабрикѣ въ Вичугѣ «Народный домъ», который является образцовымъ зданіемъ этого типа. Коноваловъ — въ тюрьмѣ. Отвѣтственность за эти нелѣпые аресты со временемъ будетъ возложена на совѣсть рабочаго кла́сса.

Въ среду лицъ, якобы «выражающихъ волю революціоннаго пролетаріата», введено множество разнаго рода мошенниковъ, бывшихъ холоповъ охраннаго отдѣленія и авантюристовъ; лирически настроенный, но безтолковый А. В. Луначарскій навязываетъ пролетаріату въ качествѣ поэта Ясинскаго, писателя скверной репутаціи. Это значитъ — пачкать знамена рабочаго класса, развращать пролетаріатъ.

Кадетъ хотятъ вышвырнуть изъ Учредительнаго Собранія. Не говоря о томъ, что значительная часть населенія страны желаетъ, чтобы именно кадеты выражали ея мнѣнія и ея волю въ Учредительномъ Собраніи и потому изгнаніе кадетъ есть насиліе надъ волей сотенъ тысячъ людей, — не говоря уже объ этомъ позорѣ, я укажу, что партія к.-д объединяетъ наиболѣе культурныхъ людей страны, наиболѣе умѣлыхъ работниковъ во всѣхъ областяхъ умственнаго труда. Въ высшей степени полезно имѣть предъ собою умнаго и стойкаго врага, — хорошій врагъ воспитываетъ своего противника, дѣлая его умнѣй и сильнѣй. Рабочая интеллигенція должна понять это. И — еще

разъ— она должна помнить, что все, что творится теперь — творится отъ ея имени; къ ней, къ ея разуму и совѣсти исторія предъявитъ свой суровый приговоръ. Не все же только политика, надобно сохранить немножко совѣсти и другихъ человѣческихъ чувствъ.

7-го декабря.

«Пролетаріатъ — творецъ новой культуры», — въ этихъ словахъ заключена прекрасная мечта о торжествѣ справедливости, разума, красоты, мечта о побѣдѣ человѣка надъ звѣремъ и скотомъ: въ борьбѣ за осуществленіе этой мечты погибли тысячи людей всѣхъ классовъ.

Пролетаріатъ — у власти, нынѣ онъ получилъ возможность свободнаго творчества. Умѣстно и своевременно спросить — въ чемъ же выражается это творчество? Декреты «правительства народныхъ комиссаровъ» — газетные фельетоны, не болѣе того. Это — литература, которую пишутъ «на водѣ вилами», и хотя въ этихъ декретахъ есть цѣнныя идеи, — современная дѣйствительность не дастъ условій для реализаціи этихъ идей.

Что же новаго дастъ революція, какъ измѣнитъ она звѣриный русскій бытъ. много ли свѣта вноситъ она во тьму народной жизни?

За время революціи насчитывается уже до 10 тысячъ «самосудовъ». Вотъ какъ судитъ демократія своихъ грѣшниковъ: около Александровскаго рынка поймали вора, толпа немедленно избила его и устроила голосованіе: какой смертью казнить вора: утопить или застрѣлить? Рѣшили утопить и бросили человѣка въ ледяную воду. Но онъ кое какъ выплылъ и вылѣзъ на берегъ, тогда одинъ изъ толпы подошелъ къ нему и застрѣлилъ его.

Средніе вѣка нашей исторіи были эпохой отвратительной жесткости, но и тогда, если преступникъ, приговоренный судомъ къ смертной казни, срывался съ висѣлицы — его оставляли жить.

Какъ вліяютъ самосуды на подрастающее поколѣніе?

Солдаты ведутъ топить въ Мойкѣ до полусмерти избитаго вора, онъ весь облитъ кровью, его лицо совершенно разбито, одинъ глазъ вытекъ. Его сопровождаетъ толпа дѣтей; потомъ нѣкоторые изъ нихъ возвращаются съ Мойки и, подпрыгивая на одной ногѣ, весело кричатъ:

— Потопили, утопили!

Это — наши дѣти, будущіе строители жизни. Дешева будетъ жизнь человѣка въ ихъ оцѣнкѣ, а вѣдь человѣкъ — не надо забывать объ этомъ! — самое прекрасное и цѣнное созданіе природы, самое лучшее, что есть во вселенной. Война оцѣнила человѣка дешевле маленькаго куска свинца, этой оцѣнкой справедливо возмущались, упрекая за нее «имперіалистовъ» — кого же упрекнемъ теперь — за ежедневное, звѣрское избіеніе людей?

* * *

Въ силу цѣлаго ряда условій у насъ почти совершенно прекращено книгопечатаніе и книгоиздательство и, въ то же время, одна за другой уничтожаются цѣннѣйшія библіотеки. Вотъ недавно разграблены мужиками имѣнія Худекова, Оболенскаго и цѣлый рядъ другихъ имѣній. Мужики развезли по домамъ все, что имѣло цѣнность въ ихъ глазахъ, а библіотеки — сожгли, рояли изрубили топорами, картины — изорвали. Предметы науки, искусства, орудія культуры не имѣютъ цѣны въ глазахъ деревни, — можно сомнѣваться, имѣютъ ли они цѣну въ глазахъ городской массы.

Книга — главнѣйшій проводникъ культуры, и для того, чтобъ народъ получилъ въ помощь себѣ умную, честную книгу, работникамъ книжнаго дѣла можно бы пойти на нѣкоторыя жертвы, — вѣдь они прежде всѣхъ и особенно заинтересованы въ томъ, чтобъ вокругъ нихъ создалась идеологическая среда, которая помогла бы развитію и осуществленію ихъ идеаловъ.

Наши учителя, Радищевы, Чернышевскіе, Марксы — духовные дѣлатели книгъ, жертвовали и свободой и жизнью за свои книги. Чѣмъ облегчаютъ сейчасъ физическіе дѣлатели книгъ развитіе книжнаго дѣла?

* * *

Вотъ уже почти двѣ недѣли, каждую ночь толпы людей грабятъ винные погреба, напиваются, бьютъ другъ друга бутылками по башкамъ, рѣжутъ руки осколками стекла и точно свиньи валяются въ грязи, въ крови. За эти дни истреблено вина на нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей и, конечно, будетъ истреблено на сотни милліоновъ.

Если бъ этотъ цѣнный товаръ продать въ Швецію — мы могли бы получить за него золотомъ или товарами, необходимыми странѣ — мануфактурой, лекарствами, машинами.

Люди изъ Смольнаго, спохватясь нѣсколько поздно, грозятъ за пьянство строгими карами, но пьяницы угрозъ не боятся и продолжаютъ уничтожать товаръ, который давно бы слѣдовало реквизировать, объявить собственностью обнищавшей націи и выгодно, съ пользой для всѣхъ, продать.

Во время винныхъ погромовъ людей пристрѣливаютъ, какъ бѣшенныхъ волковъ, постепенно пріучая къ спокойному истребленію ближняго.

Въ «Правдѣ» пишутъ о пьяныхъ погромахъ, какъ о «провокаціи буржуевъ», — что, конечно, ложь, что «красное словцо», которое можетъ усилить кровопролитіе.

*

Развивается воровство, ростутъ грабежи, безстыдники упражняются во взяточничествѣ такъ же ловко, какъ дѣлали это чиновники царской власти; темные люди, собравшіеся вокругъ Смольнаго, пытаются шантажировать запуганнаго обывателя. Грубость представителей «правительства народныхъ комиссаровъ» вызываетъ общія нареканія и они

— справедливы. Разная мелкая сошка, наслаждаясь властью, относится къ гражданину, какъ къ побѣжденному, то-есть такъ же, какъ относилась къ нему полиція царя. Орутъ на всѣхъ, орутъ какъ будочники въ Конотопѣ или Чухломѣ. Все это творится отъ имени «пролетаріата» и во имя «соціальной революціи», и все это является торжествомъ звѣринаго быта, развитіемъ той азіатчины, которая гноитъ насъ.

А гдѣ же и въ чемъ выражается тотъ «идеализмъ русскаго рабочаго», о которомъ такъ лестно писалъ Карлъ Каутскій?

Гдѣ же и какъ воплощается въ жизнь мораль соціализма, — «новая» мораль?

Ожидаю, что кто-нибудь изъ «реальныхъ политиковъ» воскликнетъ съ пренебреженіемъ ко всему указанному:

— Чего вы хотите? Это — соціальная революція!

Нѣтъ, — въ этомъ взрывѣ зоологическихъ инстинктовъ я не вижу ярко выраженныхъ элементовъ соціальной революціи. Это русскій бунтъ безъ соціалистовъ по духу, безъ участія соціалистической психологіи.

10-го декабря.

Не такъ давно меня обвинили въ томъ, что я «продался нѣмцамъ» и «предаю Россію», теперь обвиняютъ въ томъ, что «продался кадетамъ» и «измѣняю дѣлу рабочаго класса».

Лично меня эти обвиненія не задѣваютъ, не волнуютъ, но — наводятъ на невеселыя и нелестныя мысли о моральности чувствъ обвинителей, о ихъ соціальномъ самосознаніи.

Послушайте, — господа, — а не слишкомъ ли легко вы бросаете въ лица другъ друга всѣ эти дрянненькія обвиненія въ предательствѣ, измѣнѣ, въ нравственномъ шатаніи? Вѣдь если вѣрить вамъ — вся Россія населена

людьми, которые только тѣмъ и озабочены, чтобы распродать ее, только о томъ и думаютъ, чтобы предать другъ друга!

Я понимаю: обиліе провокаторовъ и авантюристовъ въ революціонномъ движеніи должно было воспитать у васъ естественное чувство недовѣрія другъ къ другу и вообще къ человѣку, я понимаю, что этотъ позорный фактъ долженъ былъ отравить болью остраго подозрѣнія даже очень здоровыхъ людей.

Но все же, бросая другъ другу столь беззаботно обвиненія въ предательствѣ, измѣнѣ, корыстолюбіи, лицемѣріи вы, очевидно, представляете себѣ всю Россію, какъ страну сплошь населенную безчестными и подлыми людьми, а вѣдь вы тоже русскіе.

Какъ видите — это весьма забавно, но еще болѣе — это опасно, ибо постепенно и незамѣтно тѣ, кто играетъ въ эту грязную игру, могутъ внушить сами себѣ, что дѣйствительно — вся Русь страна людей безчестныхъ и продажныхъ, а потому — «и мы не лыкомъ шиты!»

Вы подумайте: революція у насъ дѣлается то на японскія, то на германскія деньги, контръ-революція — на деньги кадетъ и англичанъ, а гдѣ же русское безкорыстіе, гдѣ наша прославленная совѣстливость, нашъ идеализмъ, наши героическія легенды о честныхъ борцахъ за свободу, наше донъ-кихотство и всѣ другія хорошія свойства русскаго народа, такъ громко прославленныя и устной и письменной русской литературой?

Все это — ложь?

Поймите, — обвиняя другъ друга въ подлостяхъ, вы обвиняете самихъ себя, всю націю.

Читаешь злое письмо обвинителя и невольно вспоминаются слова одного орловскаго мужичка:

— «У насъ все пьяное село: одинъ праведникъ, да и тотъ — дурачекъ».

И вспоминаешь то красивое, законное возмущеніе, которое я наблюдалъ у рабочихъ въ то время, когда черно-

сотенное «Русское Знамя» обвинило «Рѣчь» въ какомъ-то прикосновеніи къ деньгамъ финновъ или эскимосовъ.

— «Нечего сказать негодяямъ, вотъ они и говорятъ самое гадкое, что могутъ выдумать».

Мнѣ кажется, что я пишу достаточно просто, понятно, и что смыслящіе рабочіе не должны обвинить меня въ «измѣнѣ дѣлу пролетаріата». Я считаю рабочій классъ мощной культурной силой въ нашей темной мужицкой странѣ и я всей душой желаю русскому рабочему количественнаго и качественнаго развитія. Я неоднократно говорилъ, что промышленность — одна изъ основъ культуры, что развитіе промышленности необходимо для спасенія страны, для ея европеизаціи, что фабрично-заводскій рабочій не только физическая, но и духовная сила, не только исполнитель чужой воли, но человѣкъ, воплощающій въ жизнь свою волю, свой разумъ. Онъ не такъ зависитъ отъ стихійныхъ силъ природы, какъ зависитъ отъ нихъ крестьянинъ, тяжкій трудъ котораго невидимъ, не остается въ вѣкахъ. Все, что крестьянинъ вырабатываетъ, онъ продаетъ и съѣдаетъ, его энергія цѣликомъ поглощается землей, тогда какъ трудъ рабочаго остается на землѣ, украшая ее и способствуя дальнѣйшему подчиненію силъ природы, интересамъ человѣка.

Въ этомъ различіи трудовой дѣятельности коренится глубокое различіе между душою крестьянина и рабочаго, и я смотрю на сознательнаго рабочаго, какъ на аристократа демократіи.

Именно: аристократія среди демократіи, — вотъ какова роль рабочаго въ нашей мужицкой странѣ, вотъ чѣмъ долженъ чувствовать себя рабочій. Къ сожалѣнію, онъ этого не чувствуетъ пока. Ясно, какъ высока моя оцѣнка роли рабочаго класса въ развитіи культуры Россіи, и у меня нѣтъ основанія измѣнять эту оцѣнку. Кромѣ того, у меня есть любовь къ рабочему человѣку, есть ощущеніе кровной моей связи съ нимъ, любовь и уваженіе къ его великому труду. И, наконецъ, — я люблю Россію.

Народные комиссары презрительно усмѣхаются, о, конечно! Но это меня не убиваетъ. Да, я мучительно и тревожно люблю Россію, люблю русскій народъ.

Мы, русскіе, народъ, еще не работавшій свободно, не успѣвшій развить всѣ свои силы, всѣ способности, и когда я думаю, что революція дастъ намъ возможность свободной работы, всесторонняго творчества, — мое сердце наполняется великой надеждой и радостью даже въ эти проклятые дни, залитые кровью и виномъ.

Отсюда начинается линія моего рѣшительнаго и непримиримаго расхожденія съ безумной дѣятельностью народныхъ комиссаровъ.

Я считаю идейный максимализмъ очень полезнымъ для расхлябанной русской души, — онъ долженъ воспитать въ ней великіе и смѣлые запросы, вызвать давно необходимую дѣеспособность, активизмъ, развить въ этой вялой душѣ иниціативу и вообще — оформить и оживить ее.

Но практическій максимализмъ анархо-коммунистовъ и фантазеровъ изъ Смольнаго — пагубенъ для Россіи и, прежде всего, — для русскаго рабочаго класса.

Народные комиссары относятся къ Россіи, какъ къ матеріалу для опыта, русскій народъ для нихъ — та лошадь, которой ученые бактеріологи прививаютъ тифъ для того, чтобъ лошадь выработала въ своей крови противотифозную сыворотку. Вотъ именно такой жестокій и заранѣе обреченный на неудачу опытъ производятъ комиссары надъ русскимъ народомъ, не думая о томъ, что измученная, полуголодная лошадка можетъ издохнуть.

Реформаторамъ изъ Смольнаго нѣтъ дѣла до Россіи, они хладнокровно обрекаютъ ее въ жертву своей грезѣ о всемірной или европейской революціи.

Въ современныхъ условіяхъ русской жизни нѣтъ мѣста для соціальной революціи, ибо нельзя же, по щучьему велѣнью, сдѣлать соціалистами 85 % крестьянскаго населенія страны, среди котораго нѣсколько десятковъ милліоновъ инородцевъ кочевниковъ.

Отъ этого безумнѣйшаго опыта прежде всего пострадаетъ рабочій классъ, ибо онъ — передовой отрядъ революціи и онъ первый будетъ истребленъ въ гражданской войнѣ. А если будетъ разбитъ и уничтоженъ рабочій классъ, значитъ, будутъ уничтожены лучшія силы и надежды страны.

Вотъ я и говорю, обращаясь къ рабочимъ, сознающимъ свою культурную роль въ странѣ: политически грамотный пролетарій долженъ вдумчиво провѣрить свое отношеніе къ правительству народныхъ комиссаровъ, долженъ очень осторожно отнестись къ ихъ соціальному творчеству.

Мое же мнѣніе таково: народные комиссары разрушаютъ и губятъ рабочій классъ Россіи, они страшно и нелѣпо осложняютъ рабочее движеніе; направляя его за предѣлы разума, они создаютъ неотразимо тяжкія условія для всей будущей работы пролетаріата и для всего прогресса страны.

Мнѣ безразлично, какъ меня назовутъ за это мое мнѣніе о «правительствѣ» экспериментаторовъ и фантазеровъ, но судьбы рабочаго класса и Россіи — не безразличны для меня.

И пока я могу, я буду твердить русскому пролетарію:

— Тебя ведутъ на гибель, тобою пользуются какъ матеріаломъ для безчеловѣчнаго опыта, въ глазахъ твоихъ вождей ты все еще не человѣкъ!

19-го декабря.

Революція углубляется...

Безшабашная демагогія людей, «углубляющихъ» революцію, дастъ свои плоды, явно гибельные для наиболѣе сознательныхъ и культурныхъ представителей соціальныхъ интересовъ рабочаго класса. Уже на фабрикахъ и заводахъ постепенно начинается злая борьба чернорабочихъ съ рабочими квалифицированными; чернорабочіе начинаютъ

утверждать, что слесари, токари, литейщики и т. д. суть «буржуи».

Революція все углубляется во славу людей, производящихъ опытъ надъ живымъ тѣломъ рабочаго народа.

А рабочіе, сознающіе трагизмъ момента, испытываютъ величайшую тревогу за судьбу революціи.

«Боюсь, — пишетъ мнѣ одинъ изъ нихъ — что не далекъ уже тотъ день, когда массы, не удовлетворившись большевизмомъ, навсегда разочаруются въ лучшемъ будущемъ, навсегда потеряютъ вѣру въ соціализмъ и повернутъ всѣ взоры опять къ прошлому, къ черному монархизму, и тогда дѣло освобожденія народовъ погибнетъ на сотни лѣтъ.

Я думаю, что это будетъ, ибо большевизмъ не осуществитъ всѣхъ чаяній некультурныхъ массъ, и вотъ, я не знаю, что намъ, находящимся среди этихъ массъ, дѣлать для того, чтобъ не дать угаснуть вѣрѣ въ соціализмъ и въ лучшую жизнь на землѣ».

«Положеніе мало-мальски развитого рабочаго въ средѣ обалдѣвшей массы становится похоже на то, какъ бы ты сталъ чужой для своихъ же», сообщаетъ другой.

Эти жалобы слышатся все чаще, предвѣщая возможность глубокаго раскола въ нѣдрахъ рабочаго класса. А иные рабочіе говорятъ и пишутъ мнѣ:

— «Вамъ бы, товарищъ, радоваться, пролетаріатъ побѣдилъ!»

Радоваться мнѣ нечему, пролетаріатъ ничего и никого не побѣдилъ. Какъ самъ онъ не былъ побѣжденъ, когда полицейскій режимъ держалъ его за глотку, такъ и теперь, когда онъ держитъ за глотку буржуазію — буржуазія еще не побѣждена. Идеи не побѣждаютъ пріемами физическаго насилія. Побѣдители обычно — великодушны. — можетъ быть, по причинѣ усталости, — пролетаріатъ не великодушенъ, какъ это видно по дѣлу С. В. Паниной. Болдырева, Коновалова, Бернацкаго, Карташева, Долго-

рукаго и другихъ, заключенныхъ въ тюрьму неизвѣстно за что.

Кромѣ названныхъ людей въ тюрьмахъ голодаютъ тысячи, — да, тысячи! — рабочихъ и солдатъ.

Нѣтъ, пролетаріатъ не великодушенъ и не справедливъ, а вѣдь революція должна была утвердить въ странѣ возможную справедливость.

Пролетаріатъ не побѣдилъ, по всей странѣ идетъ междуусобная бойня, убиваютъ другъ друга сотни и тысячи людей. Въ «Правдѣ» сумасшедшіе люди науськиваютъ: бей буржуевъ, бей калединцевъ! Но буржуи и калединцы вѣдь это все тѣ же солдаты — мужики, солдаты — рабочіе, это ихъ истребляютъ и это они разстрѣливаютъ красную гвардію.

Если бъ междуусобная война заключалась въ томъ, что Ленинъ вцѣпился въ мелкобуржуазные волосы Милюкова, а Милюковъ трепалъ бы пышныя кудри Ленина.

— Пожалуйста! Деритесь, паны!

Но дерутся не паны, а холопы, и нѣтъ причинъ думать, что эта драка кончится скоро. И не возрадуешься, видя, какъ здоровыя силы страны погибаютъ, взаимно истребляя другъ друга. А по улицамъ ходятъ тысячи людей и, какъ будто бы сами надъ собой издѣваясь, кричатъ: «Да здравствуетъ миръ».

Банки захватили? Это было бы хорошо, если бъ въ банкахъ лежалъ хлѣбъ, которымъ можно досыта накормить дѣтей. Но хлѣба въ банкахъ нѣтъ, и дѣти изо дня въ день недоѣдаютъ, среди нихъ растетъ истощеніе, растетъ смертность.

Междуусобная бойня окончательно разрушаетъ желѣзныя дороги; — если бы мужики дали хлѣба, его не скоро подвезешь.

Но всего больше меня и поражаетъ, и пугаетъ то, что революція не несетъ въ себѣ признаковъ духовнаго возрожденія человѣка, не дѣлаетъ людей честнѣе, прямодушнѣе, не повышаетъ ихъ самооцѣнки и моральной оцѣнки ихъ труда.

Есть, конечно, люди, которые ходятъ «гоголемъ», напоминая цирковаго борца, успѣшно положившаго противника своего «на обѣ лопатки», — о этихъ людяхъ не стоитъ говорить. Но въ общемъ, въ массѣ — не замѣтно, чтобъ революція оживляла въ человѣкѣ это соціальное чувство. Человѣкъ оцѣнивается такъ же дешево, какъ и раньше. Навыки стараго быта не исчезаютъ. «Новое начальство» столь же грубо, какъ старое, только еще менѣе внѣшне благовоспитано Орутъ и топаютъ ногами въ современныхъ участкахъ, какъ и прежде орали. И взятки хапаютъ, какъ прежніе чинуши хапали, и людей стадами загоняютъ въ тюрьмы. Все старенькое, скверненькое пока, не исчезаетъ.

Это плохой признакъ: онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что совершилось только перемѣщеніе физической силы, но это перемѣщеніе не ускоряетъ роста силъ духовныхъ.

А смыслъ жизни и оправданіе всѣхъ мерзостей ея только въ развитіи всѣхъ духовныхъ силъ и способностей нашихъ.

«Объ этомъ — преждевременно говорить, сначала мы должны взять въ свои руки власть».

Нѣтъ яда, болѣе подлаго, чѣмъ власть надъ людьми: мы должны помнить это, дабы власть не отравила насъ, превративъ въ людоѣдовъ еще болѣе мерзкихъ, чѣмъ тѣ, противъ которыхъ мы всю жизнь боролись.

21-го декабря.

Стоитъ на берегу Фонтанки небольшая кучка обывателей и, глядя вдаль, на мостъ, запруженный черной толпою, разсуждаетъ спокойно, равнодушно:

— Воровъ топятъ.

— Много поймали?

— Говорятъ — трехъ.

— Одного, молоденькаго, забили.

— До смерти?

— А то какъ же?

— Ихъ обязательно надо до смерти бить, а то — житья не будетъ отъ нихъ...

Солидный, сѣдой человѣкъ, краснолицый и чѣмъ то похожій на мясника, увѣренно говоритъ:

— Теперь — суда нѣтъ, значитъ, должны мы сами себя судить...

Какой-то остроглазый, потертый человѣкъ спрашиваетъ:

— А не очень ли просто это, — если сами себя?

Сѣдой отвѣчаетъ лѣниво и не взглянувъ на него:

— Проще — лучше. Скорѣй, главное.

— Чу, воетъ!

Толпа замолчала, вслушиваясь. Издали, съ рѣки, доносится дикій, тоскливый крикъ.

*

Уничтоживъ именемъ пролетаріата старые суды, гг. народные комиссары этимъ самымъ укрѣпили въ сознаніи «улицы» ея право на «самосудъ», — звѣриное право. И раньше, до революціи, наша улица любила бить, предаваясь этому мерзкому «спорту» съ наслажденіемъ. Нигдѣ человѣка не бьютъ такъ часто, съ такимъ усердіемъ и радостью, какъ у насъ, на Руси. «Дать въ морду», «подъ душу», «подъ микитки», «подъ девятое ребро», «намылить шею», «накостылять затылокъ», «пустить изъ носу юшку» — все это наши русскія милыя забавы. Этимъ — хвастаются. Люди слишкомъ привыкли къ тому, что ихъ «съ измала походя бьютъ», — бьютъ родители, хозяева, била полиція.

И вотъ теперь этимъ людямъ, воспитаннымъ истязаніями, какъ бы дано право свободно истязать другъ друга. Они пользуются своимъ «правомъ» съ явнымъ сладострастіемъ, съ невѣроятной жестокостью. Уличные «самосуды» стали ежедневнымъ «бытовымъ явленіемъ», и надо помнить,

что каждый изъ нихъ все болѣе и болѣе расширяетъ, углубляетъ тупую, болѣзненную жестокость толпы.

Рабочій Костинъ попытался защитить избиваемыхъ, — его тоже убили. Нѣтъ сомнѣнія, что изобьютъ всякаго, кто рѣшится протестовать противъ «самосуда» улицы.

Нужно ли говорить о томъ, что «самосуды» никого не устрашаютъ, что уличные грабежи и воровство становятся все нахальнѣе?

Но самое страшное и подлое въ томъ, что растетъ жестокость улицы, а вина за это будетъ возложена на голову рабочаго класса, вѣдь, неизбѣжно скажутъ, что «правительство рабочихъ распустило звѣриные инстинкты темной уличной массы». Никто не упомянетъ о томъ, какъ страшно болитъ сердце честнаго и сознательнаго рабочаго отъ всѣхъ этихъ «самосудовъ», отъ всего хаоса расхлябавшейся жизни.

Я не знаю, что можно предпринять для борьбы съ отвратительнымъ явленіемъ уличныхъ кровавыхъ расправъ, но народные комиссары должны немедля предпринять что-то очень рѣшительное. Вѣдь не могутъ же они не сознавать, что отвѣтственность за кровь, проливаемую озвѣрѣвшей улицей падаетъ и на нихъ, и на классъ, интересы котораго они пытаются осуществить. Эта кровь грязнитъ знамена пролетаріата, она пачкаетъ его честь, убиваетъ его соціальный идеализмъ.

Больше, чѣмъ кто-либо, рабочій понимаетъ, что воровство, грабежъ, корыстное убійство, все это глубокія язвы соціальнаго строя, онъ понимаетъ, что люди не родятся убійцами и ворами, — а дѣлаются ими. И — какъ это само собою разумѣется, — сознательный рабочій долженъ съ особенной силой бороться противъ «самосуда» улицы надъ людьми, которыхъ нужда гонитъ къ преступленію противъ «священнаго института собственности».

22-го декабря.

Редакціей «Новой Жизни» получено нижеслѣдующее письмо:

«Пушечный Округъ Путиловскаго завода.

Постановилъ вынести Вамъ, писателямъ изъ Новой Жизни, порицаніе, какъ Строеву, былъ когда-то писатель, а также Базарову, Гимеръ-Суханову, Горькому, и всѣмъ составителямъ Новой Жизни вашъ Органъ несоотвѣтствуетъ настоящей жизни нашей общей, вы идете за оборонцами вслѣдъ. Но помните нашу рабочую Жизнь пролетаріевъ не троньте, бывшей въ Воскресенье демонстраціей, *не вами демонстрація проведена не вамъ и критиковать ее.* А и вообще наша партія Большинство и мы поддерживаемъ своихъ политическихъ вождей дѣйствительныхъ соціалистовъ освободителей народа отъ гнета Буржуазіи и капиталистовъ, и Впредь если будутъ писатся такія контр-революціонныя статьи то мы рабочіе клянемся вотъ зарубите себѣ на лбу что закроемъ вашу газету, а если желательно освѣдомитесь у вашего Соціалиста такъ называемаго нейтралиста онъ былъ у насъ на путиловскомъ заводѣ со своими отсталыми рѣчами спросите у него дали ему говорить да нѣтъ, да въ скоромъ времени вамъ воспретятъ и вашъ органъ онъ начинаетъ равнятся съ кадетскимъ, *и если вы* горькіе, отсталыя писатели *будете продолжать свою полемику и съ правительственнымъ органомъ «Правда»* то знайте прекратимъ въ нашемъ Нарвско-Петергофскомъ районѣ торговлю. адресъ

Путиловс заводъ Пушечн. Округъ пишите отв. а то будутъ Репресіи».

Свирѣпо написано!

Съ такой свирѣпостью разсуждаютъ дѣти, начитавшись страшныхъ книгъ Густава Эмара и воображая себя ужасными индѣйцами.

Конечно, — дѣтей слѣдуетъ учить. И, въ поученіе автору — или авторамъ — сердитаго письма, я скажу:

Нельзя такъ разсуждать, какъ разсуждаете вы:

«Демонстрація не вами проведена, не вамъ и критиковать ее».

Политическое и экономическое угнетеніе рабочаго класса тоже «не нами проведено», но мы всегда критиковали и будемъ критиковать всякую систему угнетенія человѣка, кѣмъ бы эта система не «проводилась».

Люди, имена которыхъ названы въ письмѣ, боролись съ самодержавіемъ мошенниковъ и подлецовъ не для того, чтобы оно замѣнилось самодержавіемъ политическихъ дикарей.

Намъ угрожаютъ, что если мы будемъ «продолжать полемику съ правительственнымъ органомъ «Правда», то...

Да, мы будемъ продолжать полемику съ правительствомъ, которое губитъ рабочій классъ; мы считаемъ эту полемику нашимъ долгомъ, — долгомъ честныхъ гражданъ и независимыхъ соціалистовъ.

23-го декабря.

Хотятъ арестовать Ираклія Церетелли, талантливаго политическаго дѣятеля, честнѣйшаго человѣка.

За борьбу противъ монархіи, за его защиту интересовъ рабочаго класса, за пропаганду идей соціализма, старое правительство наградило Церетелли каторгой и туберкулезомъ.

Нынѣ правительство, дѣйствующее якобы отъ имени и по волѣ всего пролетаріата, хочетъ наградить Церетелли тюрьмой — за что? Не понимаю.

Я знаю, что Церетелли опасно болѣть, но, — само собою разумѣется, я не посмѣлъ бы оскорбить этого мужественнаго человѣка, взывая о состраданіи къ нему. Да — и къ кому бы я взывалъ? Серьезные, разумные люди, не

потерявшіе головы, нынѣ чувствуютъ себя «въ пустынѣ, — увы! — не безлюдной». Они — безсильны въ бурѣ возбужденныхъ страстей. Жизнью правятъ люди, находящіеся въ непрерывномъ состояніи «запальчивости и раздраженія». Это состояніе признается закономъ одною изъ причинъ, дающихъ преступнику право на снисхожденіе къ нему, но — это все таки состояніе «вмѣняемости».

«Гражданская война», т.-е. взаимоистребленіе демократіи къ злорадному удовольствію ея враговъ, затѣяно и разжигается этими людьми. И теперь уже и для пролетаріата, околдованнаго ихъ демагогическимъ краснорѣчіемъ, ясно, что ими руководятъ не практическіе интересы рабочаго класса, а теоретическое торжество анархо-синдикалистскихъ идей.

Сектанты и фанатики, постепенно возбуждая несбыточныя, неосуществимые въ условіяхъ дѣйствительности надежды и инстинкты темной массы, они изолируютъ пролетарскую, истинно соціалистическую, сознательно революціонную интеллигенцію, — они отрываютъ у рабочаго класса голову.

И если они рѣшаются играть судьбою цѣлаго класса, — что имъ до судьбы одного изъ старыхъ, лучшихъ товарищей своихъ, до жизни одного изъ честнѣйшихъ рыцарей соціализма?

Какъ для полоумнаго протопопа Аввакума, для нихъ догматъ выше человѣка.

Чѣмъ все это кончится для русской демократіи, которую такъ упорно стараются обезличить?

24-го декабря.

Да, — мы переживаемъ бурю темныхъ страстей; прошлое вскрыло предъ нами свои глубочайшія нѣдра и показываетъ намъ, до чего отвратительно искаженъ человѣкъ; вокругъ насъ мечется вьюга жадности, ненависти, мести;

звѣрь, раздраженный долгимъ плѣномъ, истерзанный вѣковыми муками, широко открылъ мстительную пасть и, торжествуя, реветъ злопамятно, злорадно.

Но — все подлое и скверное, что есть на землѣ, сдѣлано и дѣлается нами, и все прекрасное, разумное, къ чему стремимся мы, — въ насъ живетъ.

Вчерашній рабъ сегодня видитъ своего владыку поверженнымъ во прахъ, безсильнымъ, испуганнымъ, — зрѣлище величайшей радости для раба, пока еще не познавшаго радость, болѣе достойную человѣка, — радость быть свободнымъ отъ чувства вражды къ ближнему.

Но и эта радость будетъ познана, — не стоитъ жить, если невозможно вѣрить въ братство людей, жизнь безсмысленна, если нѣтъ увѣренности въ побѣдѣ любви.

Да, да, — мы живемъ по-горло въ крови и грязи, густыя тучи отвратительной пошлости окружаютъ насъ и ослѣпляютъ многихъ; да, порою кажется, что эта пошлость отравитъ, задушитъ всѣ прекрасныя мечты, рожденныя нами въ трудахъ и мученіяхъ, всѣ факелы, которые зажгли мы на пути къ возрожденію.

Но человѣкъ, все таки, — человѣкъ и, въ концѣ концовъ, побѣждаетъ только человѣческое, въ этомъ великій смыслъ жизни всего міра, иного смысла нѣтъ въ ней.

Можетъ быть, мы погибнемъ?

Лучше сгорѣть въ огнѣ революціи, чѣмъ медленно гнить въ помойной ямѣ монархіи, какъ мы гнили до февраля.

Мы, Русь, очевидно, пришли ко времени, когда всѣ наши люди, возбужденные до глубины души, должны смыть, сбросить съ себя вѣками накопленную грязь нашего быта, убить нашу славянскую лѣнь, пересмотрѣть всѣ навыки и привычки наши, всѣ оцѣнки явленій жизни, оцѣнки идей, человѣка, мы должны возбудить въ себѣ всѣ силы и способности и, наконецъ, войти въ общечеловѣческую работу устроенія планеты нашей, — новыми смѣлыми, талантливыми работниками.

Да, наше положеніе глубоко трагично, но всего выше человѣкъ — въ трагедіи.

Да, жить — трудно, слишкомъ много всплыло на поверхность жизни мелкой злости, и нѣтъ священнаго озлобленія противъ пошлости, озлобленія, убійственнаго для нея.

Но, какъ сказалъ Синезій, епископъ Птолемаиды:

«Для философа необходимо спокойствіе души — искуснаго кормчаго воспитываютъ только бури».

Будемъ вѣрить, что тѣ, кто не погибнетъ въ хаосѣ и бурѣ, — окрѣпнутъ и воспитаютъ въ себѣ непоколебимую силу сопротивленія древнимъ, звѣрскимъ началамъ жизни.

Сегодня — день Рожденія Христа, одного изъ двухъ величайшихъ символовъ, созданныхъ стремленіемъ человѣка къ справедливости и красотѣ.

Христосъ — безсмертная идея милосердія и человѣчности, и Прометей — врагъ боговъ, первый бунтовщикъ противъ Судьбы, — человѣчество не создало ничего величественнѣе этихъ двухъ воплощеній желаній своихъ.

Настанетъ день, когда въ душахъ людей символъ гордости и милосердія, кротости и безумной отваги въ достиженіи цѣли — оба символа скипятся во одно великое чувство и всѣ люди сознаютъ свою значительность, красоту своихъ стремленій и единокровную связь всѣхъ со всѣми.

Въ эти страшные для многихъ дни мятежа, крови и вражды не надо забывать, что путемъ великихъ мукъ, невыносимыхъ испытаній, мы идемъ къ возрожденію человѣка, совершаемъ мірское дѣло раскрѣпощенія жизни отъ тяжкихъ, ржавыхъ цѣпей прошлаго.

Будемъ-же вѣрить сами въ себя, будемъ упрямо работать, — все въ нашей волѣ, и нѣтъ во вселенной иного законодателя, кромѣ нашей разумной воли.

Всѣмъ, кто чувствуетъ себя одиноко среди бури событій, чье сердце точатъ злыя сомнѣнія, чей духъ подавленъ тяжелой скорбью — душевный привѣтъ!

И душевный привѣтъ всѣмъ безвинно заключеннымъ въ тюрьмахъ.

31-го декабря.

Что дастъ намъ Новый годъ? Все, что мы способны сдѣлать.

Но для того, чтобъ стать дѣеспособными людьми, необходимо вѣрить, что эти бѣшеные, испачканные грязью и кровью дни — великіе дни рожденія новой Россіи.

Да, вотъ именно теперь, когда люди, оглушаемые проповѣдью равенства и братства, грабятъ на улицахъ ближняго своего, раздѣвая его до гола, когда борьба противъ идола собственности не мѣшаетъ людямъ звѣрски истязать и убивать мелкихъ нарушителей закона о неприкосновенности собственности, когда «свободные граждане», занявшись торговлишкой, обираютъ другъ друга безжалостно и безстыдно, — въ эти дни чудовищныхъ противорѣчій рождается Новая Россія.

Тяжелые роды — въ шумѣ разрушенія старыхъ формъ жизни, среди гнилыхъ обломковъ грязной казармы, въ которой народъ задыхался триста лѣтъ и которая воспитала его мелочно злобнымъ и очень безталаннымъ.

Въ этомъ взрывѣ всей низости и пошлости, накопленной нами подъ свинцовымъ колпакомъ отвратительнѣйшей изъ монархіи, въ этомъ изверженіи грязнаго вулкана погибаетъ старый русскій человѣкъ, самовлюбленный лѣнтяй и мечтатель, и на мѣсто его долженъ придти смѣлый и здоровый работникъ, строитель новой жизни.

Теперь русскій человѣкъ не хорошъ, — не хорошъ больше, чѣмъ когда либо. Не увѣренный въ прочности своихъ завоеваній, не испытывающій чувства радости о свободѣ, онъ ощетинился подленькой злостью, и все еще пробуетъ — дѣйствительно ли свободенъ онъ? Дорого стоятъ эти пробы и ему и объектамъ его опытовъ.

Но жизнь, суровая и безжалостная учительница наша, скоро захватитъ его цѣпью необходимостей, и онѣ заставятъ его работать, заставятъ забыть въ дружномъ трудѣ все то мелочное, рабье и постыдное, что одолѣваетъ его сейчасъ.

Новые люди создаются новыми условіями бытія, — новыя условія создаютъ новыхъ людей.

Въ міръ идетъ человѣкъ, не испытавшій мученія рабства, не искаженный угнетеніемъ, — это будетъ человѣкъ, неспособный угнетать.

Будемъ вѣрить, что этотъ человѣкъ почувствуетъ культурное значеніе труда и полюбитъ его. Трудъ, совершаемый съ любовью, — становится творчествомъ.

Только бы человѣкъ научился любить свою работу, — все остальное приложится.

	м. пф.
Максимъ Горькій, Интервью. Жрецъ морали	— 50
—— „ Одинъ изъ королей республики	— 50
—— „ Хозяева жизни	— 50
—— Исповѣдь. Повѣсть	4 —
—— Лѣто. Повѣсть	3 —
—— Матвѣй Кожемякинъ. Повѣсть. Въ 4-хъ частяхъ. Каждая часть	2 50
—— Мать. Повѣсть изъ жизни рабочихъ	6 —
—— Мордовка. Разсказъ	— 60
—— Разсказъ Филиппа Васильевича	— 90
—— Романтикъ. Разсказъ	— 60
—— Русскія сказки	1 —
—— Сказки	2 50
—— Случай изъ жизни Макара. Рожденіе человѣка. Два разсказа	1 —
—— Солдаты. Очерки	1 —
—— Три дня. Разсказъ	1 50
—— Хозяинъ. Повѣсть	2 —
—— Человѣкъ. Поэма	— 60
—— А. П. Чеховъ. Отрывки изъ воспоминаній	— 90
—— Чудаки. Сцены	1 50
Н. Н. Гусевъ, Левъ Толстой противъ государства и церкви. Не напечатанныя въ Россіи мѣста изъ записокъ бывшаго секретаря Л. Н. Толстого «Два года съ Л. Н. Толстымъ»	2 —
Левъ Дейчъ, Четыре побѣга. Воспоминанія	3 —
О. Д. Дурново, Такъ говорилъ Христосъ	5 —
Осипъ Дымовъ, Бѣгущіе креста. Романъ	5 —
—— Каждый день. Трагедія	1 —
Арвидъ Ернефельтъ, Титъ, разрушитель Іерусалима. Драма	1 50
Записки Екатерины II, императрицы Россіи. Переводъ съ французскаго	5 —
Записки генерала Н. А. Саблукова о временахъ императора Павла I и о кончинѣ этого государя	2 —
А. Золотаревъ, Во едину отъ Субботъ. Романъ	4 —
Историческіе документы изъ временъ царствованія Александра I	2 50
Владиміръ Короленко, Бытовое явленіе. Замѣтки публициста о смертной казни	1 50
Н. А. Крашенинниковъ, Барышни. Романъ	3 —
—— Дѣвственность. Романъ	6 —
Ген-ад. А. Н. Куропаткинъ. Записки о русско-японской войнѣ	8 —
Ю. Лавриновичъ, Кто устроилъ погромы въ Россіи?	4 —
В. С. Морозовъ, За одно слово. Разсказъ, съ предисл. Л. Н. Толстого	— 50